

1 номер 2012 года

Хватит писать в стол!
Пишите в

В каждом номере – новый роман!

СТОЛ

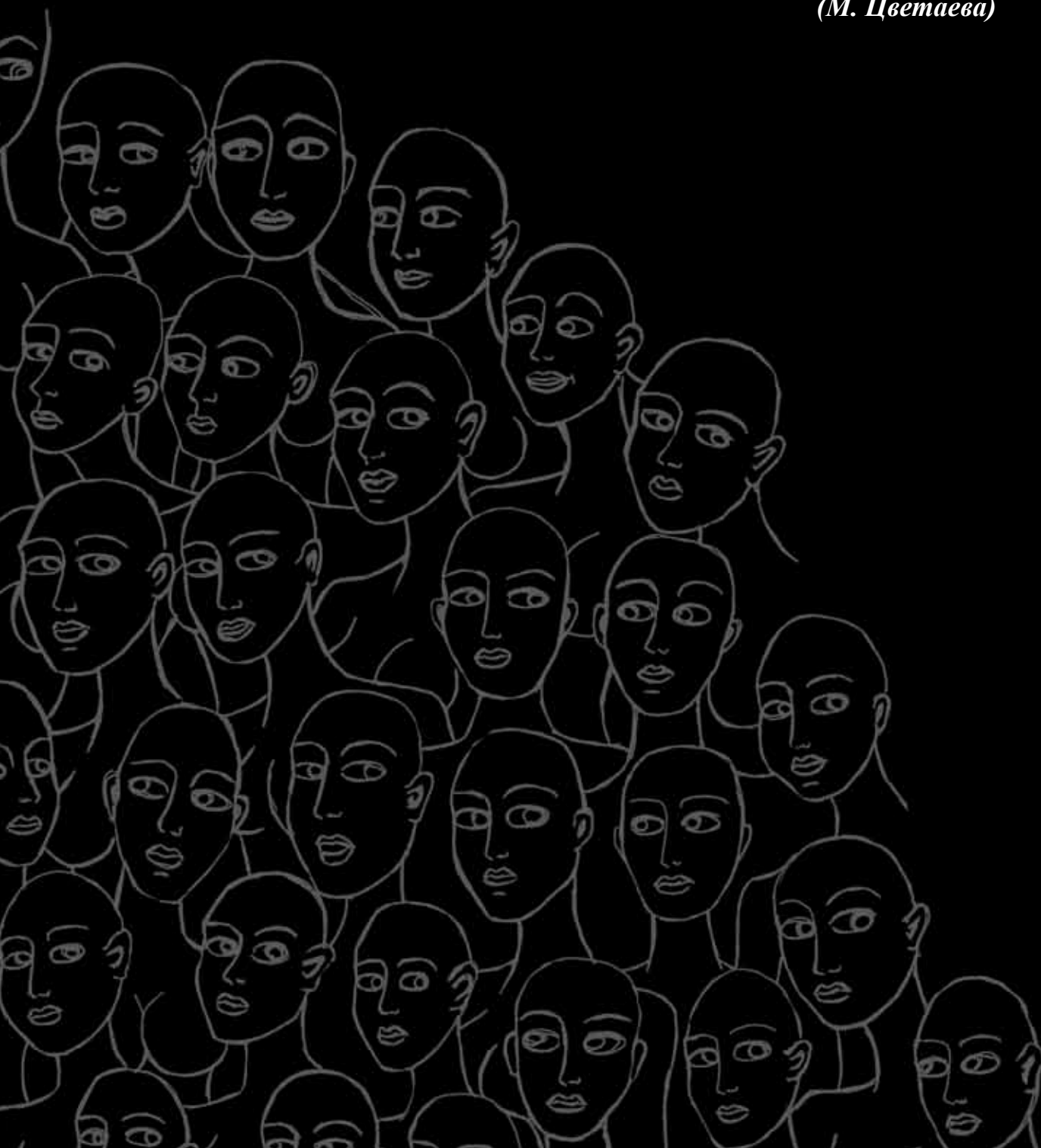
*Остров
бесконечности*

...был один. Не один над (мечта честолюбца),

один -

вне.

(М. Цветаева)

4

Ящик первый.

ГНИЛЬ

16

Ящик второй.

к черту

Ящик третий

ЭКСТАЗ

26

36

Ящик четвертый

ВЫШЕ

Ящик пятый

ДНО

46

Ящик первый. **ГНИЛЬ**

(1)

И вновь идя к нему, в его извечно полный какими-то людьми дом – которых, ей порой казалось, что он и сам приглашал не более как для потехи – она каждый раз внутренне погибала: сама, своими руками убивала внутри себя ту Каталину, которой была со всеми, и обращалась в то полумертвое – дышащие одним узором его фраз – создание, которое не могла не презирать и не жалеть – и в те минуты, что была им (самые мучительные и счастливые одновременно), и в те – что случались потом, когда она, оборачиваясь назад – в слезах, в задумчивости или в каком-то непонятном оцепенении – то и дело ловила ту себя на множестве самых позорных слабостей, недопустимых для настоящей себя ни при каких обстоятельствах.

Она ненавидела эти вечера и обещала себе каждый раз, что более – сверх того, который ожидается ныне – не унизит себя присутствием на них, но каждый раз вновь и вновь туда шла – безвольным, усталым шагом – и сходила там с ума: то молча и неприкаянно сидя в углу, почти в слезах, то заводя с кем-нибудь из гостей заведомо глупую беседу, конец которой оборачивала против своего же собеседника и хохотала, хохотала над ним весь остаток вечера, покуда тот – ради кого она тут, собственно, и находилась – не подходил к ней и не уводил её, уже трясущуюся почти в судорогах, к себе – где целовал и жалел, как подобранного на дороге котенка... она забывалась, а утром – временное ослепление спадало вуалью с глаз, когда этот человек целовал ей у порога руки, и она, не чувствуя дрожащих ног, делала шаг за шагом к своему дому, и ей казалось что она никогда-никогда не дойдет, упадет прямо на мостовую... под ноги прохожих – где они дотопчут, наконец, всё что от неё осталось, размазывая каблуками по асфальту куски того, что некогда было её телом.

– Вы такая красивая... Отчего вы с ним? Он – ваш первый любовник?

– Нет. Но вы разве не знаете, что красота – не более чем плата за степень разбитости сердца?.. Чем больнее и чаще тебя били вдребезги – тем ты красивее; я замечала в зеркале, и на людях тоже. Красота каждый раз рождается из боли – как цветок расцветает на могилке... и это всё-таки по отношению к нам честно – забирая одно, возвращать другое. Должно же небо чем-то возмещать боль; иначе в чём бы тут была гармония?

– Красивая, но надуманная теория. А как же с теми, кто красив от рождения?

– О, тут два пути: или им это в долг (и это даже более жестоко, такой навязанный почти долг – не откажешься ведь) – и потом придется платить... вижу по лицу – вы верно поняли чем. Или же когда-то – может ещё в прошлой жизни – они за всё сторицей уплатили... тогда эта жизнь им уже – как награда, как возвращение долга с процентами. Но я совсем забыла, что есть ещё и третья вариация: когда люди столь непробиваемы, что никак из них уже болью не выбьешь расплату – и тогда просто красота уходит... иногда даже довольно быстро; вы ведь, наверно, тоже замечали такое – красивый-красивый ребенок вдруг в юности уже вдруг совсем никакой становится... От этого даже полуповерье возникло: тот кто красив в детстве – потом станет непременно некрасив, и наоборот; причем поверье это из детских уст и родилось.

– Да, да! И тоже выходит ведь с актрисами и просто ослепительными женщинами: в молодости – прелесть, а потом вдруг до невозможности она дурнеет... думаешь – та ли самая это вообще?..

– Ну вот... вы меня, вижу, поняли.

– А вы тоже, выходит, совсем не были красивая – до этой боли?

– Верно. О чем вы задумались?.. Кем бы тоже разбить себе сердце?

(2)

А когда тот – почти полное олицетворение её боли – не помнил о ней (звонил он ей и звал к себе не чаще раза в неделю) – она, как

всякая птичка в клетке, как всякая рвущаяся из сетей душа – делала слабые попытки вырваться из сложившейся, душившей её ситуации: знакомилась на сайтах/на улицах/в метро с разными – чаще скучными или придурковатыми – мужчинами, шла с ними на подобие свиданий – где слушала в бессчётный раз уже одни и те же вопросы, комплименты, наблюдала одни и те же попытки себя обольстить и отвечала – как голос на диктофоне – всё одно и то же... и все они – были ей неинтересны, почти противны... она забивала ими свою жизнь как забивают сапоги на лето газетными комьями, чтобы они не потеряли форму.

Сегодня она опять сидела в центре города, в кафе, поедая малину со сливками в обществе человека, о котором в голове вертелось – «Дотерплю часик... и всё, до свиданья»; но внутри всё равно было светлее и как-то утешающе: ведь, выходит, она вполне интересная женщина, её еду сегодня оплатят, а завтра может быть и кино, и если она захочет – потом будут цветы (она любила их получать – сам подтекст этого в том, что она кому-то нужна, а потом ей не было до них дела – и они ссыхались и гнили где-нибудь на подоконнике); во всём этом был вопрос не денег (у неё не было каких-то прям диких проблем с деньгами) – а жестов восхищения, преклонения мужчин перед ней как перед женщиной; она насыщалась от этого энергией, которая концентрировалась потом в блеске её глаз и легкости жестов.

...и тем сильнее её добивало то, что один такой мужчина – чьи поступки как бы умножались ею на десятеро – никогда, никогда ничего для неё не делал; он знал её любимые цветы и не дарил, они не раз проходили мимо кафе – но он никогда не приглашал её вовнутрь, даже в кино он ходил без неё – рассказывая ей (будто это всё в порядке вещей) потом сюжет фильма... как-то она узнала – даже не от него, а от его знакомых – что он ходил на концерт с другой; её это ударило пощечиной, но она и виду не подала при нем – шутила, говорила о другом, а слёзы она дала себе зарок отложить

на вечер – но не выдержала: под конец всё-таки расплакалась, он сделал участливое лицо, засыпал вопросами... но – как было ему рассказать в чём дело?..

Она очень хорошо знала, что всё это – насквозь прогнило, что может тут даже и не любовь с её стороны (с его-то стороны было всё четко – глупа она, увы, не была, чтобы не улавливать дух этого или врать себе как-то), а что-то вроде невроза, которому она бездумно даёт волю, вместо того, чтобы вырезать куском мяса из себя, искоренить ... но она так боялась потерять последний свой смысл жить, последний залог своего не шага с крыши – что тянула и тянула, листала разные трагические книжки в метро (другие – у неё не читались теперь никак), почти не могла есть – один кефир вечерами через силу, и всю неделю ожидание – тягучее, сжимающее шею как ошейник – когда он позовет...

Её пытались образумить, долгие пространственные речи лились и лились в её уши; она отвечала, пожимая плечами:

– Вы говорите о самоуважении? Бросить? И сразу море поклонников?.. Всё очень логично – я ни капли не спорю, я сама так считаю... И что же с того?

(3)

Она любила трансвеститов и голубых – всех этих надломленных, беззащитных, ранимых людей... они были ей до невозможности, до боли этим близки – она как-то интуитивно почувствовала это ещё до того, как узнала кого-либо из них в жизни, воочию. Даже женщины были ей менее близки, в них было больше мужиковатости и выносливости чем в ней самой, она часто не понимала их и даже ужасалась им, иногда восхищалась – но всё-таки смотрела на них как бы со стороны, как на кого-то инородного, словно на русалок за стеклом аквариума – «На что же они-то решатся в следующий миг?..»

Транвеститы ей были понятнее – гротескно женственные, чувствительные до слёз они

трогали её душу, казались ей невозможно настоящими в своих чулках в цветочек, платьях и париках на фоне джинсовой толпы, показывающей на них пальцем. Когда в метро им случалось ехать рядом – она почти любовалась ими, но как-то исподтишка – чтобы не оскорбить излишним вниманием, чтобы – не дай Бог! – они вдруг не решили, что она смеется или осуждает их. В конце концов, мало кто из них решался быть самим собой в миру – слишком много агрессии и непонимания могло обрушиться на их сущность, не всякий это выдержит – так что те кто-таки решался – как бы заявлял всем вокруг, что он такой какой есть и коль не нравится – отвернитесь, как бы говорил «плюйтесь-плюйтесь, сами и утоните в наплёванном»... Каталину это восхищало; это почти ахматовское «Какая есть. Желая вам другую...» Она и сама наряжалась в шелка, шляпки других веков – и так ходила повсюду, а те, кто не понимал, осуждал или хмыкал – просто сразу отсекались как чужеродные ей объекты... и этот отбор даже был очень полезен – толпа фальшивок вокруг редела (и ничего – что оставалось совсем не густо, в этом тоже была какая-то честность перед собой).

Однажды она даже общалась по Интернету с одним трансвеститом (воочию, она познакомится не решалась) – он был шокирован тем, что её не пугает его «отклонение», рассказал свою трагическую жизнь (всё началось с того, что его изнасиловал в юности мужчина, когда однажды застал его перед зеркалом в мамином платье), свою боль (он работал проституткой) и под финал – позвал её замуж... обещал готовить, стирать, заботиться о ней (что было заманчиво и от этого даже веяло теплом), но добавил, что работу не бросит и хочет, чтобы она родила ему ребенка. Читая его строки перед этим, последним – она как бы затуманилась в дымке, последнее же – её резко отрезвило... она прекратила с ним беседу, и весь вечер тогда иронично повторяла: «Да... быть женой трансвестита-проститутки. Финал сладкий.»

А из голубых был у неё один друг – с заломленными руками, большими детскими

глазами и притом смертельно худой (эстетизм костлявых тел её всегда манил – ибо её собственная фигура оставалась извечной восьмеркой – худела всегда одна только талия; порой вид был почти как у осы); он был всегда страдающий, пьяный... ехал к ней после ночи с очередным бросившим его на утро человеком, говоря счастливым тоном (как у наркоманов после дозы):

– Натрахался... хорошо так. Всё ломит. А завтра проснусь один... Один. Один. Один... И болезненно смеялся, и напивался успокоительных. И говорил несвязные красивые фразы...

Она им всегда любовалась как хрупкой бабочкой – почти не касаясь, чтоб не обломать крылья...

И слушала, слушала запоем. И ехала от него потом в каком-то упоении... родство душ ведь утоляет.

(4)

Сегодня Он вдруг позвонил вне выработанного им графика, и они даже неожиданно поехали в кафе на окраине, он смотрел там участливым и почти заботливым взглядом (она вспомнила, что где-то читала, что у всех неспособных на сильные чувства людей, закрытых, заключенных как дома – такие телячьи взгляды) – она даже не смогла удержаться от того, чтобы подумать: «Ну, вот... всё налаживается. Значит всё поправимо. Значит – можно не расставаться?...»

Но когда вечер подходил к концу, пирожные были съедены, её мысли почти летали под потолком – он вдруг начал будто бы нервничать, его глазки принялись бегать по комнате, он тер костяшки пальцев до синевы и криво – без ласки – улыбался; она не понимала что это, приподняв брови – так что они сделались почти как те нарисованные, что всегда бывают у героинь немого кино – удивленно смотрела, перебирая пальцами сухие веточки из гербария, стоящего на столе в маленькой вазочке. Он вдруг выдал:

– Ну что – посчитаемся и пойдём, да?

Она кивнула, но пальцами как-то полуболезненно, хватаясь за них как утопающий, всё больше и больше ласкала неживые веточки.

Официантка принесла счет, он полез за кошельком и начал по десяткам – долго и со значимостью – доставать оттуда по бумажке деньги, которые постепенно перекочевывали в открытую папку счета, после чего продолжил:

– Ну... осталась твоя половина.

Она окаменела; к её удивлению – её вдруг накрыла волна не обиды, и даже не возмущения, а – отвращения, почти гадливости к нему, как если бы он был дохлой, разлагающейся на дороге крысой и ей не хотелось бы пачкать каблук о его размазанные по дороге органы, а обойти – может даже пролететь над.

Она вскочила, схватила свою сумку, начала отчаянно копать в ней, ухватила двумя пальцами несколько смятых бумажек (в которых было, пожалуй, и значительно больше необходимой суммы) – швырнула их на стол и они красиво и плавно разлетелись по нему зеленоватым узором; миг она зачарованно не могла отвести взгляд от этого узора – а потом её как бы вынесло наружу, на улицу – и было почему-то, вопреки ли всему или же во имя того, ощущение триумфа, разорванных веревок; она почти запоем глотала воздух, и как-то не могла насытиться; она пошла по грязи, по лужам – брызги разлетались вокруг, оседали пятнами на ногах; она шла и шла – как-то по инерции, уже не очень понимая что же вокруг, да и как-то все равно было.

Так она дошла до какого-то моста, на котором, свесившись за поручень, блевал какой-то человек во фраке; её осенило: «Я ведь тоже сейчас блюю всем накопившемся, всем, что отравляло меня, терзало, гноило мои внутренние раны... Оно выходит судорогами – и так легко становится, так пусто внутри.» Она почувствовала почти чувство родства к этому несчастному, подошла и положила руку ему на плечо – он не отдернул. Как-то неожиданно – она не заметила, как его прекратило тошнить – он поднял к ней голову и поцеловал; она

языком ощутила соленый привкус рвоты, вырвалась и её саму уже стошнило в речку... а он в это время обнимал её за спину и гладил по волосам.

Когда она подняла, наконец, голову, то смогла рассмотреть даже его красивое, но изрядно потасканное лицо – все эти увеличенные поры, микроскопически сползающая кожа с носа, глаза безытересные к всему, но симулирующие этот интерес... Она вспомнила, что и про неё кто-то когда-то сказал:

– Вот ты идешь по парку – вокруг деревья, цветы, но ничего-то тебе не интересно... у тебя даже взгляд какой-то скучающий.

Она улыбнулась и спросила:

– А зачем на вас фрак?

– Он дедушки моего друга – он сегодня проиграл мне его в карты.

– А дедушка был не против?

– Он спал.

– А почему вас зовут Каталина? Какое-то не наше имя, как из сериала что ли...

– Ну, раньше меня звали Катерина (почти Екатерина – хоть и не вторая) – но мне оно так дико не нравилось, особенно в детстве; я вычитала в одной книге про монахиню, которую звали Каталина – примерила его себе как шляпу, и оказалось к лицу, оказалось моим... Я даже и в паспорте поменяла его – но не спрашивайте как, так долго и мучительно оно было, и так все чиновники были не за... главное – имя теперь моё во всех смыслах. А как, кстати, вас самого-то зовут?

– О, я этого вам не скажу.

– И хорошо, что так. Мне кажется вам ни одно имя не пойдет. Вам лучше без имени. Вас лучше обозначать какой-нибудь недочерченной линией, как раньше было – граф, генерал, герцог, может даже принц...

(5)

...спина Каталины была напряженно изогнута над мягкостью качающейся кушетки, ноги раскинуты – будто она лежит на воде; между

– лицо нового безымянного знакомого, его мокрые поцелуи не в те губы... но к её удивлению – он ничего в ней этим не пробуждал: движения выходили или не там, или не в такт – рукой она мягко тянула его за волосы и пыталась как-то поправить ситуацию... но – не выходило; поборов досаду и махнув на происходящее рукой – она переключилась на разглядывание на потолке лепнины, на которую красиво опадала тень с качающейся чуть люстры – и казалось словно человечки танцуют на потолке... вальс или фокстрот?.. Она ничего не понимала в танцах, она никогда ни один из них не знала – только в мыслях порой проплывали картинки отплясывающих ног; стук собственного сердца – обращался будто в стук каблучков по паркету каждый раз как она начинала погружаться в сон.

Она вспомнила как положив голову на грудь тому, с кем сегодня распрощалась, слышала как трепыхается что-то внутри... «Откуда у него – сердце? Может – запись на диктофоне? Может он имитировал этот стук как-нибудь чревовещательно?..»

...наконец, ей наскучило так лежать: она продвинулась вперед на кушетку и сдвинула ноги.

Растрепанный и мокрый он удивленно спросил:

– Что это ты вдруг?

Она прыгнула на пол, стала подбирать элементы своей одежды, раскиданные где придется...

Он осел на пол и потер лицо, ухмыльнулся, спросил:

– У тебя какие-то проблемы с этим? С концом?

Каталина – прижимая к себе ком из своей одежды – как-то бесстрастно и одними губами выдала:

– Нет, сегодня только. Сейчас. С тобой, человек без имени... Почему я тебя не чувствую? Может ты пустота?

– Ну, проверь: обними меня. Пустота ведь необъятна!

Она подошла, протянула руку – и кончики пальцев уткнулись ему в висок.

– Жаль – твои пальцы не револьвер. Кстати, а с какого моменты мы на «ты»?»

– Наверно, «вы» опало на пол вслед за моими трусами... и я пока его не успела поднять.

(6)

Почти всю ночь истеричной трелью звонил телефон – она не снимала трубку (мог звонить и тот, кого для неё больше нет – значит его звонок фантом, мог звонить вчерашний знакомый – просто потому что до того, как он не смог её удовлетворить – она успела случайно сказать свой номер, могла звонить мама – говорить с ней она не была морально готова, строить спокойный тон и говорить о бытовых пустяках как о первостепенных вещах... или ещё кто-нибудь до кого ей сейчас было ещё меньше дела, чем до вышеперечисленных); голова скоро начала разбалчиваться по нарастающей, но она не встала с кровати и не отключила телефон, даже не выдернула провод от стены, так чтобы кривые проводки внутри искривленно глядели наружу... Ей не хотелось даже прикоснуться к телефону (словно он был заколдован и мог зачесть касание руки за снятие трубки), не хотелось даже находиться в пространстве вокруг него – ею владело ощущение, что там сейчас какая-то черная, надымленная аура, из которой чуть ли не чёртик может выскочить если вдруг подойти.

Она лежала, зажмурив глаза и старалась себя приучить, сроднить со звоном телефона... как порой можно приучить свой слух к звону старой лампы под потолком, в каком-нибудь старом государственном учреждении. ...звон заполнял её уши, напевал ей что-то на самых высоких тонах, бил и как будто уже переселялся ей внутрь... будто она сама – источник этого звука, будто это её собственный истошный крик, её S.O.S. кому-то, кто не услышит... никогда.

...и вдруг звон оборвался. Настала ещё более громкая тишина (надрывная – как перед бурей), а после – звон реинкорнировался звонком в дверь.

На пороге стояла соседка сверху, в мехах и с черными жирными линиями на лбу, имитирующими, должно быть, брови, светлый, чуть растрепавшийся парик – имитирующий в свою очередь укладку 20-тых годов – венчала красная шляпка с порванной в двух местах вуалью, в руке был сломанный веер – которым она плавно водила по воздуху на половину, ибо другая половина – свисала вниз как достоинство импотента.

– Вы всегда так ночью одеты, Одетта Ивановна? – не сдержалась Каталина, хоть и понимала, что сподручней было бы спросить – не из-за звона ли в её квартире пожаловала соседка.

– Нет, что вы! – возразила она, сощурив в щелочки маленькие глаза, так что стало заметно, что стрелки на них начерчены криво и даже – от пота ли, или слишком слезящихся глаз – уже чуть размываются. – Но не могла же я выйти из квартиры не одетой... это неприлично. Мне, знаете ли, нужно было у вас спросить...

– Про звонок телефона? – опередила-таки её мысль Каталина; её глаза непроизвольно бродили по полной фигуре соседки, облаченной в нечто из красного бархата – она вдруг подумала, что должно быть когда та снимает платье – то совсем растекается по полу бесформенной глыбой, груди – обращаются в грустно свисающие вниз тряпочки, живот трепыхается при каждом не то что шаге, но даже и вдохе – и она, наверно, в таком виде очень боится зеркал, которые слишком честно и жестоко бы всё это отразили; впрочем, она знала от одной полной знакомой – что толстые никогда почти не видят свою толщину в зеркалах: они рассматривают слишком вплотную лицо – и оно кажется вполне очерченным, а фигуру становятся смотреть непременно боком – сами не замечая, что вдыхают живот и встают в самый выгодный и почти фантастический ракурс (вот у кого режиссерам бы поучиться выгодной подачи человека в кадре); они широко открывают перед зеркалом глаза – в то время как в жизни

они почти всегда заплывшие со всех сторон (поэтому они не любят своих случайных снимков – те слишком это обнажают, мешают им обманываться и быть счастливыми), вытягивают высоко шею – так что второй подбородок зримо уменьшается почти до отсутствия, и приподнимают руками высоко, почти до подбородка, грудь – чтобы увидеть, наконец, то место, где должна быть талия. Соседка – пока Каталина размышляла, всё расплывалась и расплывалась в улыбке – так постепенно иногда лужа иногда расширяется под ногами больного недержанием; и вдруг сказала:

– Да... и нет; у вас нет ли, кстати, сигаретки?

– Я не курю.

– О, я тоже; но так иногда хочется... в дыме есть что-то успокаивающее, усыпляющее – а я совсем не могу спать; даже не из-за вашего телефона... Так может у вас есть тогда целая пачка?

– Откуда?

– Ну, мало ли... – разочарованно и, резко вобрав назад в себя улыбку, вздохнула соседка, но вдруг – каким-то протяжным тоном спросила:

– Скажите мне, вы счастливы, вы – живёте?..

Ваш телефон звонил будто в никуда... будто ваша квартира заброшена и пуста, а вы сами – призрак давнего владельца: такой прозрачный, парящий над полом, что и ваша рука при каждой попытке снять трубку – проходит насквозь... как голограмма почти; а телефон всё звонит. Я вдруг подумала, что когда я умру – у меня будет точь-в-точь так. А сейчас – мне никто не звонит... уже несколько лет. Так что никакая вы не несчастная... а если и да – то вы на втором месте, первое – моё!

Каталина подошла вплотную к соседке, вдохнула воздух у её рта и уловила оттуда резкий аромат Шанель:

– Вы выпили... духи?

– Да... у меня такой плохой запах изо рта последнее время – я надушиваю себе рот перед выходом из дома. Так ведь лучше, правда?

– Вам их не жалко? Дорогие ведь...

– У меня такое предчувствие, что больше

они мне не пригодятся. А я верю своим предчувствиям... Последние было – о смерти любовника... да-а-авно. Он просто однажды не пришел – и я поняла, что он умер; не мог же он решить вдруг быть верным жене, ведь правда?..

Утром Каталина узнала, что эта соседка ночью умерла – у себя в ванной, на унитазе... спиной она опала на стульчак, руки дряблыми широкоими птичьими крыльями свисали по бокам, а в открытых глазах было такое – вопреки всему – достоинство, будто она сидит на троне, такое – почти бесстыдство – как у обнаженной натурщицы, сидящей перед мольбертом художника на рваной драпировке... Только её предчувствия про телефон не сбылись – у неё он и потом всегда молчал.

(7)

Где-то через пару недель, возвращаясь как-то из магазина с пакетом кефира и стопкой бульварной прессы в руках, она встретила на лестнице человека, согнувшегося и держащегося за сердце; она бы прошла мимо – ей было недосуг до чужих проблем, но правила приличия пересилили у неё внутри и она остановилась и спросила, но тихо-тихо (тайно желая, чтобы её не расслышали или же не приняли всерьез):

– Простите, вам плохо?

Человек не шелохнулся, и она было метнулась вверх по лестнице, но он вдруг – стремительно, в один миг, так что она и охнуть не успела – ухватил её за руку:

– Скажите, а Одетта Ивановна правда умерла?

– Да, – тут в ней вдруг зародилось любопытство, – а кто вы? Одетта Ивановна была очень одинокая... эти все её одежды – откуда только она нашла на них деньги? – одевались ею, мне кажется, чтобы хоть как-то – как лысеющий прикрывает плешь шляпой – прикрыть своё одиночество.

– Это я раньше покупал ей эти одежды... – голосом без особых эмоций, ответил Каталине человек и вновь прижал руку к сердцу. – Каждый день почти; она каждый раз была как

ребенок счастлива... Признаться, я делал это специально – чтобы перекрыть ей чем-то её безбудущность... чтобы оправдать, окупить ей как-то мой будущий уход, о котором я знал заранее с первого дня нашей встречи.

– Значит вы тот самый любовник и вы – до сих пор живы, – удивленно и в замешательстве произнесла Каталина, – а она-то полагала что вас давно нет... Она – должно быть – верила в то, что вы скорей умрете, чем оставите её. И знаете – все эти одежды (они уже совсем распадающимися были), она их до последнего дня носила; а Шанель ей тоже вы подарили?

– Точно, – кивнул человек, наконец – и вдруг с неожиданной легкостью – убрав руку от сердца; какое-то довольство собой заблестело у него из глаз, какая-то самозначимость вдруг выровняла недавнюю почти скорбную гримасу его лица; ему понравились эти питательные слова незнакомки, он хотел вновь их слушать и, не сдержавшись, уже спросил:

– Выходит она после нашего расставания так и не отдалась никому, да?..

– Хм... – задумалась Каталина и потерла свободной рукой подбородок, пытаясь восстановить перед собой образ соседки в ту ночь их беседы. – Знаете, я думаю – что нет... Секс – он ведь молодит (я не имею ввиду сейчас проституток и кого-нибудь из тех, кто вынужденно им занимается... тех же фригидных домохозяек, скрывающих свою сущность лесбиянок, вышедших замуж – лишь бы не остаться одной – женщин; они – несчастные... они смотрят сериалы, едят и под конец начинают возлагать несносимый груз надежд на плечи своих бедных детей – и вот, уже и их дети тоже потом загублены, задушены жизнью); и это всё я к тому – что она как раз ничем таким себя не питала... и под конец очень расплылась и будто даже распалась на молекулы; хоть наряды как-то чуть и собирали её сущность в одно целое... но именно, что не более, чем как-то.

– Есть что-то в ваших мыслях; да-с... да-с. Ну, а на сколько она выглядела перед смертью?..

– Лет на семьдесят...

– А знаете сколько ей было? – совсем уже

ликующе почти воскликнул, нет – даже вскричал человек и почти подпрыгнул на пятках. – Лучше даже скажите – на сколько вот я выгляжу?

Каталина взгляделась ему в лицо – на лице минимум морщин (и то они будто были даже к лицу ему), довольно густая грива каштановых волос (хоть корни и выдавали тот факт, что незакрашенная седина уже начала чуть отрастать), скромный – но с иголочки сидящий костюм, чемодан...

– Как её сын, – вырвалось у Каталины, – лет на сорок – сорок пять, не более. Но не ведете ли вы к тому, что и ей было столько же?

– Нет, конечно; она лет на семь была моложе... – гордо возразил он. – Я рядом с ней тогда смотрелся её старшим братом, чуть ли не папой.

– Наверно, ваша псевдосмерть её тогда совсем лишила смысла жить... и наряды – страшные ваши откупные подарки – только напоминали о вас; как женщину всё-таки старит жертвенность... Не люблю это чувство; оно долг – который ты даешь, а потом страдаешь, страдаешь, что обманули и не отдали – ибо этот долг всегда бывает адресован или к подлецам, или к тем кому он изначально не нужен – а только тяготят идущие вослед за ним нытьё и упреки. Жертвенной любовью должен любить мужчина, я в этом убеждена – тогда женщина будет если и не счастлива, то в невозможной гармонии с собой – так что не капли лишней через край; но вызвать такую любовь способны только холодные или деспотические женщины; бесчестная несправедливость!

– Я тогда тоже выхожу подлецом (мне признаться, нравится это слово – оно мне льстит до чертиков; как синоним слова Казанова) – я ведь её не любил даже – да и не врал никогда, что это не так; когда она признавалась мне в любви – я улыбался и обнимал её, или говорил ей какая она красивая; а потом однажды просто не приехал к ней – меня утомляла её любовь, её глаза всё чаще смотрели на меня с надеждой на то, что я уйду от жены и буду с ней (хоть она никогда

и не говорила этого), я тогда довольно быстро нашел себе другую – более легкую, менее от меня требующую... а потом ещё одну... я их всех уже не упомяну; как-то так вышло, что я от них – только ноги запоминал... знаете, какие иногда стоят в витринах от несобранных ещё манекенов, где-нибудь рано-рано утром?

– Да, понимаю... забавно – я вот вас слушаю и чувствую, что должна бы возмущаться вам, жалеть её (все эти женские солидарности); но нет во мне никаких таких чувств, и солидарностей тоже... Я только чувствую досаду – и не за неё, а на неё – что столько лет у неё было – и они так вот напрасно выкинуты... досаду до возмущения.

– А вы – свои лета не выкидываете разве? Вчера, сегодня, в этот миг тоже вот...

– Выкидываю. Да. Так что эта досада – и на себя тоже... Мы чаще ведь в досаде на людей с такими же слабостями как и у нас с той лишь разницей, что они – дают им волю, а мы нет. Он кивнул, улыбнулся – уже весь такой обновленный, напитавшийся энергией от чужой кинутой ему под ноги жизни – жизни, которую и не замечал все эти годы – и начал вдруг спускаться медленно вниз, махнув ей слегка на прощанье рукой.

– А почему вы всё-таки приходили, если вам плевать?..

– Знаете, я влюблен... впервые, безумно и болезненно; я развелся с женой, я женился на этой самой другой – но на днях она вдруг ушла... и подает на развод... я вдруг решил приехать к Одетте и спросить: как мне жить – после?... Думал – она за эти годы поняла и ответит. А она сама не нашла ответ на этот вопрос ... до последнего своего дня не нашла. Каламбур вышел, право.

Он спустился ещё на несколько ступенек вниз и довершил:

– А может теперь я уже и не влюблен... после нашего с вами разговора. Как знать, как знать? И пошел быстро вниз, почти побежал даже, пролет за пролетом – как мальчишка; и когда он хотел открыть уже дверь на улицу, его настиг голос Каталины:

– Вы – жестокий.

Ящик второй. **К черту**

(8)

Вагон был набит пушечным мясом, но ей каким-то чудом (и ловкостью, само собой) удалось-таки сесть, – напротив оказалось пятеро вряд сидящих интересных наружностью юношей, и все они как бы с намеком смотрели на Каталину; но – как она уже и привыкла – ни один ничего не предпринял, не вскочил, не спросил телефон, не рассыпался в комплиментах, равно как и не спросил «свободен ли у дамы вечер» – они только лишь пялились как бы из укрытия, с безопасного расстояния, как будто она – вещь на полке магазина, которая им ну никак не по карману; наверно, с тайной мыслью – чуть что – сделать вид, что смотрят они безлично, будто бы сквозь неё.

«С каждым годом они всё трусливее... И любят шлюх – потому как те сами подходят, сами предлагаются и сами потом уходят; а от них – ни действия, ни слова (какие уж тут подвиги)! Да они бы и не решились... умерли бы монахами-отшельниками... в девственности и бесцельно.»

Из Каталининых глаз прямо на них заструилось презрение (она не любила скрывать свои эмоции – все они, к месту или нет, всегда отображались на её лице), губы искривились красным зигзагом – ей вдруг захотелось подойти к ним и расхохотаться им в лицо, как хохочут негодяйки-изменницы в фильмах, заливчато и тошнотворно – так чтоб эти псевдоюноши покраснели, задрожали и не знали бы вдруг куда деться; и попрыгали бы друг за дружкой под лавку как братцы-кролики, и там – трясли бы своими белыми ляжками под стук колес вагона...

Всё как-то теперь портится – всё больше возникает как бы из ниоткуда несчастных, с умоляющими глазами женщин (такие повсюду – куда ни глянь), которые бегут и хватают за руки какого-нибудь подлеца – и те в ответ их отшвыривают от себя почти с омерзением, грубо – так что они почти на землю падают, а потом встают и продолжают бежать, и плачут, и умоляют... и как ещё только не унижаются;

так это прямо невыносимо видеть... как какой-нибудь физиологический процесс посреди парка.

Где те – способные обожать женщину, пусть даже и не любящую их, но уже как бы сияющую, наполненную этой обращенной к нему любовью? «Балы, красавицы, лакеи, юнкера...» – а на лицо только – помойное ведро вместо всего, вместо бала; а красавицы – на полу, в слезах и блевотине.

А эти стареющие от пива, с прыгающими животами, смеющие приходить без цветов и билетов в театр, и предлагать вместо брака какие-то там сожительства... они – царят почему-то; царьки! карикатуры...

Каталина не сдержалась и с досады плюнула себе под ноги.

Отчего так выходит, что объекты, бывшие прежде лишь досадными и редкими исключениями, постепенно подгребают под себя весь мир? И те – кто внутренне живет ещё по прежним канонам – оказываются вне системы...

И где из этого выход, наконец?

...ещё утром ей подбросили под дверь записку, несколько напечатанных на принтере строк в углу листа сообщали – «Приезжай, к 17.00 на ту станцию, где любишь бывать. Я нашел выход. Я тебе расскажу.»

Она почему-то сразу решила, что это тот несостоявшийся знакомый с моста и ей стало любопытно.

У выхода из метро он, видимо, ждал уже долго («Неужели – думал, что приеду раньше? Это я-то?..») – поэтому нетерпеливо взял её под руку и повел куда-то, без пары слов, даже без «здравствуй»; разве что – где-то на середине пути спросил:

– Тебе пришлось отпрашиваться с работы? Или ты не работаешь?

– Уже день – как второе.

– А что так? Уволили?..

– Нет, это было хорошее место и мне было почти всегда близко то, чем я занималась... но – знаешь – я вдруг поняла, что мне как-то внутренне скучно; я поняла – что возможно

что-то лучше – и мне стало смертельно жаль тратить себя там... даже на поворот головы – то есть до крайности.

– И как же теперь?

– Я решила куда-нибудь уехать... Я загниваю тут, обрастаю паутиной, мои каркасы рушатся и я ухожу под воду; если я не уеду – я умру сама внутри себя... я буду жить ради обедов, секса или книг; меня пугают со стороны такие люди... они страшные – будто манекены ожили и пошли по городу.

– Тогда моё предчувствие меня не подвело; мне есть что тебе предложить. Ты только не пугайся заранее...

(9)

Они очень долго плутали какими-то переулками, районы делались всё серее, всё безлюднее – как если бы они постепенно попадали в прошлое; Каталине даже вдруг начало казаться – что ещё несколько шагов и из-за угла выедет какая-нибудь столбовая дворянка на тройке и прокричит им своим визгливым тембром – прочь посторониться с её дороги. Каталина вздрагивала от этой мысли и напряженно взглядывала на своего безмянного провожатого – но у него было непроницаемое лицо, и сколько она уже не пыталась повторно заговорить с ним – он обрывал все эти её попытки на полуслове, полуфразе.

«Куда он меня?» – отстукивало у неё в голове в ритм стуку её каблучков по асфальту; с какого-то момента даже захотелось вдруг – отчего бы? – развернуться и бежать, бежать...

...так они дошли до какого-то здания, в котором примечательно было то, что оно было выкрашено в совсем угольно черный и было всего в один этаж; тут психоз Каталины начал её прямо-таки разрывать на куски, более того – с одной стороны возникло чувство, что смысл жить будет только если она попадет туда, а с другой – какой-то трусливый страх этого смысла, какое-то необъяснимое, малодушное желание – не входить туда, а вернуться назад и тихо, спокойно, мирно гнить дальше.

Он прошел внутрь первым, она же шагнула до порога и так и застыла на нём... он потянул её вперед за локоть, но она насмерть вцепилась в края проема и так там и застыла.

– Не бойся, не бойся ... – мягко зашептал вдруг он, оставив её локоть и начав гладить ей волосы. – Я понимаю... это так всегда. И хочешь, и страшно; но жизнь ведь именно в том, чтобы это в себе перебарывать, правда? – Нет, нет, – замотала она головой, губы дрогнули и из глаз заструились вдруг слёзы. Он начал целовать её в подбородок, шею, грудь; она продолжала всхлипывать – он обнял её, прижал к себе; тут её руки опрометчиво – а может просто устав от напряжения – ослабли и легли ему на плечи, и он – не упуская момента – тут же приподнял её за талию и потащил вглубь... в темноту.

На неё нашло безумие – она отбивалась, кусалась, царапалась, кричала – почти выла – противным, почти кошачьим голосом.

– Тих-тих-тих... Тих-тих-тих... – шептал он и нес её дальше.

В комнате – на удивление светлой и почти пустой, не считая двух стульев – какой-то старик дал ей стакан воды, и она выпила его залпом и начала потихоньку отходить; теперь только её плечи чуть вздрагивали, и нос – забитый от рыданий – тихонько шмыгал в тишине... тот же старик протянул ей платок и сел напротив; они были тут одни – её безмянный провожатый, дотащив её сюда, куда-то ретировался.

– Где он? – спросила она, не здороваясь и не благодаря за воду и платок – как бы демонстративно.

– Обрабатывает укусы и раны, – с улыбкой ответил ей старик и подмигнул; или ей это показалось?

– Не хочется говорить с вами общих фраз почему-то... – как бы проконстатировала факт Каталина.

– А и не надо общих, – ещё более растянулся в улыбке старик. – Говорите по делу, по делу... Вы, кажись, хотели уехать?

– Да... – кивнула Каталина.

– Так поезжайте, – произнес старик так, будто этот вопрос решаем одной этой фразой.

– Издеваетесь? – рассердилась Каталина.

Неизвестно откуда вдруг в руке старика возникла какая-то бумажка, и он протянул её Каталине:

– Это билет. На корабль. Вы можете не читать куда он – все равно корабль не дойдет до конечного пункта и потонет; и вы окажетесь там, куда вам предрешиено...

– На том свете?

– О нет, вы не утонете – вас просто прибьет к нужному берегу.

– А сразу билет туда нельзя?

– Нет... туда не существует билетов.

– А откуда вы знаете, что произойдет крушение?

– Я сам его устрою.

– И вам их не жалко – тех, кто погибнет?

– Там будут люди, которые давно должны были умереть – я просто подогнал их смерть к этому дню... так что все они сейчас даже с превышенным лимитом жизни.

– А когда этот корабль?

– Вечером. Ваш знакомый вас отвезет до порта.

– Он далеко расположен?

– Учитесь не задавать лишних вопросов...

– Хорошо, последний: а зачем это всё вам?

– Я вам должен; я просто возвращаю долг...

– Что должны?

– Жизнь.

(10)

И на прощание, и в ответ на всё, что он ей предоставил – у Каталины так и не нашлось слов старику, и сейчас она сидела в машине мучимая этим и раздосадованная на себя; рядом, за рулем сидел – весь в пластырях и в зелёнке – безмянный знакомый и молча вёз её куда-то сквозь темноту. Так уже прошел час, а она, глядя на отсутствие живых мест на его лице, – не решалась с ним заговорить. Наконец, поднапрягшись, она еле выдавила из себя:

– Спасибо... И передай ему тоже... передай что...

Но не договорила, махнула рукой и – в ещё большем смущении – отвернулась к окну.

Он, будто поняв суть её состояния, быстро освободил одну руку от руля и сжал на миг её ладонь; ей стало легче – и оставшиеся минуты их поездки потекли уже почти умиротворенно, как в замедленной съемке... хоть когда они уже подъезжали у неё возникло странное чувство – как будто её везут на эшафот... И она вдруг как бы вспомнила для себя:

«– Ну да... ну да. Каталина – что сейчас тут – ведь как будто скоро утонет... хоть и не до конца».

Порт был забит людьми; толкотня, давка, крики... Каталина стояла там, в гуще всего этого и боялась отпустить руку безмянного знакомого, за которую уцепилась мёртвой хваткой сразу же, как только они тут оказались. – А откуда эта машина? – от волнения и некстати вырвалось у неё.

Он не ответил, даже головы не повернул; он все высматривал – должно быть то, куда им двигаться дальше – и, углядев-таки что-то впереди, потащил её за собой...

– А почему ты не плывешь тоже? – спрашивала она, еле поспевая за ним. – Ведь это всё с твоей инициативы... Почему, наконец, ты молчишь в ответ на все мои вопросы?

Он и на это не ответил; это привело её совсем в ступор и она вообще перестала предпринимать какие-либо попытки достучаться до него – шла за ним как собачка на поводке, глядя себе под ноги, без мыслей и потеряв последние нити понимания к происходящему; он сам что-то у кого-то спрашивал, забрал у неё из рук билет – который она чуть не выронила, что-то там оформлял, таскал её то туда, то сюда... Очнулась она уже у трапа, куда он её мягко подталкивал..

– Даже не поцелуешь? – спросила только она, как если бы они были – расстающиеся влюбленные. – Я тебя ведь больше не увижу, да?..

Он механически поцеловал ей руку и с добродушным равнодушием (которое её резануло... даже не от особых чувств к нему; её

всегда оно задевало в людях) произнес:

– Ну удачи тебе!

Потом как-то сразу растаял где-то в толпе, она даже не успела что-то ответить, возразить, окинуть взглядом на память и была готова расплакаться с досады от такого вот прощания, но как-то сдержалась, сжалась внутренне в комок; только долго ещё стояла прямо посередине трапа, мешая этим поднимающимся на него людям – но никак не могла заставить себя сойти с этого места (где ещё только казалось бы миг назад стоял напротив неё последний знакомый ей человек), люди отталкивали её плечами, кричали что-то оскорбительное – она не улавливала смысла, лишь интонации и какой-то шелест, похожий на тот, какой бывает в совсем старых телефонных трубках; но ей даже обижаться на них не хотелось:

« – Скоро ведь они умрут... Нельзя к ним плохо.»

...и она даже не стала стоять на палубе и провожать последним взглядом берег – там было очень много народу, а ей теперь стало казаться, что рядом с ними – она как будто подле живых мертвецов... как на каком-нибудь «Летучем Голландце»; она забилась как в норку к себе в каюту и, глядя на то, как волны беспощадно бьют в круглое окошко, стала погружаться в сон...

В какой-то момент у неё в мыслях промелькнуло:

«-Почему мне всё это не кажется сном? Почему мне скорее кажется сном – вся моя жизнь до сих пор?..»

(11)

Проснувшись – Каталина как-то сразу всё вспомнила и неожиданно для себя легко приняла – так, что даже пошла прогуляться по палубе, ничем уже не смущаясь; шла по самому её краю и с любопытством – как нечто уже окаменевшее за музейным стеклом – разглядывала смеющихся вокруг людей, обнявшиеся парочки, бегающих туда-сюда

детей и повторяла голосом неокрашенным ни в одну из красок:

– Трупы, трупы, трупы... Вокруг одни трупы, одна я – живая. Господи, господа, а разве и не всегда так было?..

Она смотрела вниз на воду, пыталась мысленно нарисовать барахтающиеся там силуэты – но вокруг было так громко и слишком налицо везде была жизнь, отчего у неё никак это не выходило...

Она вдруг задорно почти подумала, что если подойдет сейчас к кому-нибудь и соблазнит – то выйдет почти поэзия: «Я последняя – что была у тебя в жизни...»

Её взгляд как раз на этой ноте уперся в юношу в военном мундире, хорошенького, с серьезным благовоспитанным лицом – она сама не заметила как была уже около него и говорила ему:

– Мой брат тоже военный – я только оттого и решила к вам подойти... где вы служили? Расскажите, расскажите мне...

Юноша покраснел, начал запинаясь отвечать – Каталина взяла его под руку и повела вперед; она не слушала его слов – любовалась его нежной кожей и детскими пушистыми усиками, хохотала не в такт его шуткам – но-таки пленила его; так что он даже и не удивился поспешно следовавшему приглашению в её каюту;

но как только они переступили порог – Каталине вдруг разом стало скучно, неприятно от всего; она даже сделала вид – что только поговорить, собственно, и хотела – даже стала нести уж явный бред, чтобы только вытурить его поскорее наружу...

Юноша же вдруг осмелел и набросился на неё с поцелуями сам – их она приняла, они были почти упоительные, неловкие и излишне нежные; но когда он полез расстегивать ей платье – перехватила его руку на излете и с улыбкой отстранила:

– Милый мёртвый мальчик... это были ваши первые поцелуи?

Он уловил суть только последнего и вспыхнул – она рассмеялась и – как бы само собой – повела его к двери.

Он оскорблённо, весь в красных пятнах спрашивал:

– Но зачем вы всё это?... Я вас не понимаю... Что вы хотели?... Я бы вас любил... сейчас... Я умею.

Хлопнув дверью ему вослед, она как-то сразу осела на пол и, глядя свои ноги как если бы мужской рукой, детским голоском пропищала:

– Не вышло, не вышло.

А потом уже серьезно:

– Ведь это были его последние поцелуи...

(12)

Покуда она сидела у себя в каюте, корабль начал тонуть – очнулась она уже находясь по колени в мутной холодноватой воде; тяжелым шагом – вода мешала бежать – она медленно пошла наружу из каюты, вышла наверх и вообще никого там не увидела; её трясло и она как-то почти безвольно пошла к краю и, закрыв глаза, начала через него перелезать – наконец, прыгнула-таки вниз, при этом больно ударившись ногами о воду, и тот час уткнулась обо что-то руками: открыла глаза и увидела рядом труп своего недавнего знакомого юноши-военного – он весь был под водой и только макушка торчала над водой – то чуть всплывая вверх, то чуть опускаясь вниз... она метнулась прочь – но ощутила что руки невозможно заледенели и она вообще не может плыть; тогда она легла на воду и заплакала... слезы стекали с щек в воду, она ощутила шупальца медузы вокруг ноги – дернулась и вдруг увидела как военный опять торчит макушкой рядом, более того – ровно между её раскинутых на воде ног.

– Это могло бы быть комично, – произнесла она вслух и отвела от этой картины взгляд; но взгляд теперь поймал уже проплывший мимо труп какой-то женщины – казалось, что она куда-то спешит... в царство мёртвых?

Каталина посмотрела в другую сторону и там узрела даже несколько трупов – в том числе и детей: они – кто ногами, кто головой, кто половиной туловища – торчали над поверхностью и покачивались в такт волн...

Каталина зажмурилась, подумав:

« – Как они тут оказались – если корабль ещё не затоплен? Зачем? Или это было массовое самоубийство, или же – их кто-то убивал и скидывал за борт?»

...тут что-то, обдав её брызгами, шлепнулось рядом; она открыла глаза и посмотрела вверх – там кто-то стоял, подняв над собой чье-то безвольное тело и вот уже швырнул почти на неё... она еле успела отплыть.

– Что с ними случилось? – крикнула что есть силы ему Каталина.

Но её крик видимо не долетел до него – он ничего не ответил и продолжал швырять мертвецов вниз...

– Я не хочу лежать в трупах! – ещё громче крикнула ему Каталина. – Кидайте их по другую сторону хоть бы!

Это – видимо – до него долетело, ибо он прокричал ей в ответ:

– Я тоже не хочу тут с ними! А на другую сторону мне их в одиночку не перетаскать!

Каталина, собрав все свои силы, начала потихоньку отплывать от гущи трупов, что уже образовалась с ней рядом и прокричала ему:

– Киньте мне, пожалуйста, какую-нибудь дощечку – а лучше шлюпку! Я совсем замерзла – а в это их общество я не хочу!

Вверху послышался смех, потом силуэт незнакомца куда-то исчез и вдруг вниз полетела дверь – деревянная, с золоченой ручкой она с сильным всплеском упала рядом; Каталина метнулась к ней, стала забираться на неё – еле таща на себе тяжесть отяжелевшей одежды и, оказавшись на ней, наконец, смогла расслабленно вздохнуть... раскинула, еле дыша, руки и подумала было поблагодарить незнакомца, но вспомнила, что неизвестно кто он вообще и не он ли всех убил – и смолчала. Чуть отдохнув, она перевернулась на живот, оглядела усталым взглядом тела и начала потихоньку руками отгрести от них и от корабля... когда она уже оказалась достаточно далеко – она увидела, что корабль уже почти наполовину под водой, а человек всё кидает и кидает трупы вниз...

« – Как у него, наверное, устали руки...»

– мелькнуло у неё в мыслях, и она вдруг почувствовала, как волны укачивают её, гладят края её ног – вытащив руки из воды, она прилегла на них и задремала.

(13)

Неизвестно сколько часов Каталина так вот плавала на двери – она то просыпалась, то вновь засыпала – и каждый раз видела вокруг лишь одну трепыхавшуюся синеву воды переходящую в синеву неба... последний же раз она очнулась от удара – дверь во что-то уперлась, волн под собой она почти больше не ощущала и одной ногой она вдруг нащупала что-то мягкое и рассыпчатое – песок?

Она открыла глаза и в самом деле оказалось, что дверь прибило к берегу – испугавшись, что сейчас её опять унесет от него прочь, она неловко и быстро перелезла на песок и осмотрелась; чуть выше виднелись – правда, ничуть не похожие на тропические пальмы – деревья, но было пустынно и даже птиц не гуляло у воды... Она осмотрела себя – платье изодралось, облепило её тело и сделалось почти прозрачным, сверху налип комьями мокрый песок, волосы свисали сыроватыми прядями по спине и лицу – в них копошились какие-то мелкие морские жители, которых она тотчас с отвращением начала вытряхивать на песок. На лице ныли ссадины – причины возникновения которых она не помнила, пальцы рук – были все скукоженные от воды и почти уже не гнулись, на коленях красовались сиреневатые синяки и краснота – будто от чьих-то укусов...

– Морское чудовище, – с иронией вырвалось у Каталины, когда она подползла-таки к воде, чтобы разглядеть своё отражение. – И даже косметики с собой нет...

Тут она вдруг вспомнила, что чертовски давно не ела и желудок вмиг скрутило в спираль; она обернулась к деревьям и решила пойти туда – поискать людей или хоть бы какие-нибудь фрукты, либо ягоды... она бы и листья сейчас, пожалуй, съела – лишь бы унять желудок. Животных – тем более диких – она надеялась

не повстречать; есть их – она с самого рождения не ела, а вот они – могли бы ведь и не постесняться, в свою очередь, пообедать ею. Усталым, качающимся шагом она пошла в сторону деревьев; лишь раз обернулась – кинув последний взгляд на приютившую её на всё это время дверь – ту уже вновь смыло вводу и она плавала на некотором отдалении от берега... « – Наверно, надо было её на всякий случай вытащить тоже... А впрочем, впрочем... ладно » – пронеслось у неё в голове как бы само собой и она, отвернувшись, потащилась дальше.

(14)

При ближайшем рассмотрении все деревья в лесу оказались голы, трава почти не росла... но и животных, слава Богу, не было.

– Может я всё-таки умерла? – произнесла Каталина вслух. – И это, например, Ад...

– Вы похожи на ведьму, но насколько я вижу – живы, – донеслось откуда-то сбоку; долго присматриваясь – она, наконец, смогла разглядеть сидящего в кустах какого-то бродягу. Он грыз ветку – как собака кость, с излишней важностью – и говорил, говорил ей уже дальше:

– Тут недалеко есть королевство: король умер, королева пустилась в разврат, принц сбежал... Вас проводить, туда, проводить?

Каталина рассмеялась, решив, что он безумный:

– Уж не вы ли этот принц?

Бродяга перестал грызть ветку и бросил её в Каталину – лицом он был весьма симпатичный, только вот руки – все искровавленные (откуда бы? у нищих они должны быть привыкшие ко всему) и одежды истрепавшиеся и стершиеся – хоть в какой-то момент Каталине вдруг показалось что сквозь ткань проглядывает золоченый узор.

– Принц, должно быть, умер... – зло ответил ей бродяга, но было ощутимо, что основное зло – он-таки проглотил по каким-то непонятным причинам.

– Как надоели уже эти мертвые, – с досадой ответила Каталина и устало опустила с ним

рядом на землю. – Я хочу поесть и помыться... как вы считаете – каким способом это осуществить?

– Ну я бы вам посоветовал кого-нибудь соблазнить – тут в окрестностях королевства... но в таком виде не выйдет. Пойдите в родник искупайтесь...

– А как быть с платьем? – развела руками Каталина, но вдруг увидела, что грудь у неё вся видна и закрыла её руками; бродяга усмехнулся, встал и пошел куда-то между деревьями, Каталина – не опуская рук с груди – пошла следом...

... она была рада встать под поток воды и отодрать от себя липкие измазанные в песке остатки платья, промыть голову от непонятных существ и лицо от крови и осевшей на него пыли; скоро появился бродяга с нарядным платьем на плече – ей не к месту было его смущаться, она схватила наряд и облачилась в него прямо на мокрое тело – сразу стало лучше, и только потом спросила:

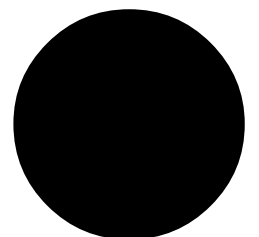
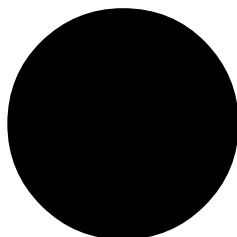
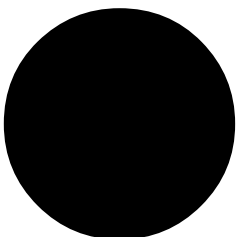
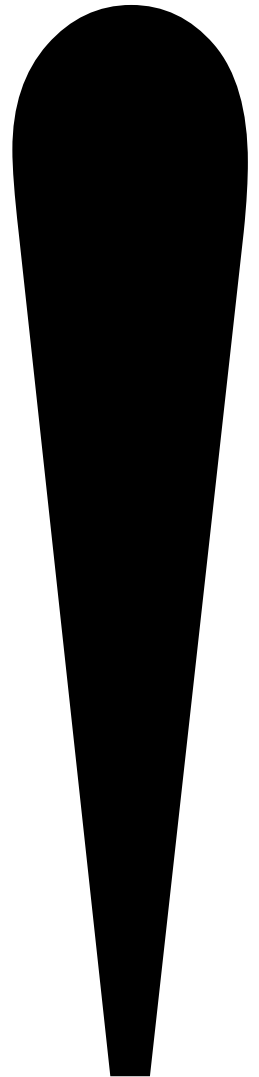
– Откуда оно?

– Тут недалеко парочка под деревом возлежала, я и снял его с дерева... Вернуть?

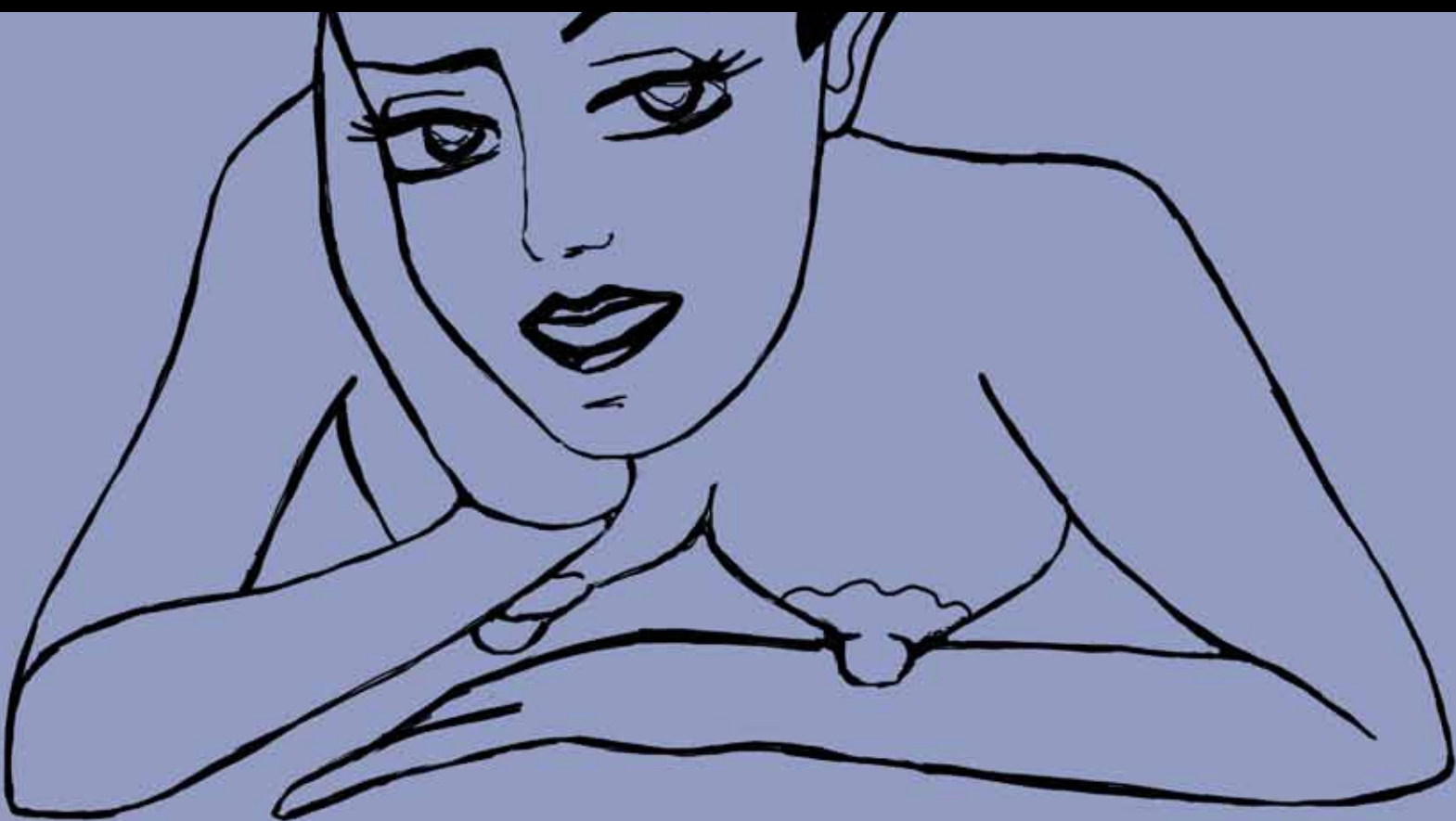
– Нет, – даже отошла от него на всякий случай Каталина. – А что себе мужской наряд не взяли?

Он проигнорировал вопрос и только, подмигнув, спросил:

– Ну и чем за услуги оплатите?.. Вы так, после мытья – очень даже... ни ведьма уже – хоть и не принцесса.

Ящик третий. **ЭКСТАЗ**

(15)

– Вы ко мне пристаёте что ли? – удивленно спросила Каталина. – Если да – то это скучно... Даже будь вы – принц.

Он опять начал наливаясь злобой после такого сравнения и она улыбнулась:

– Забавно, что вы – бродяга – оскорбляетесь, когда я вас сравниваю с принцем... Я же вас, все-таки, не свиньей обзываю.

Он гневно промолчал, Каталина подскочила к нему и обняла, хотела поцеловать его – но запах пота ударил ей в нос и, она отшатнувшись в сторону, прошептала:

– Я вас поцелую – если вы помоетесь.

– А больше?

– Ну подумайте сами – какой мне интерес?

Если у меня и есть потребность – то та, чтобы меня любили... Да и она уходит сейчас в тень перед потребностью поесть.

Он пошел к роднику, а она, отвернувшись, села на землю рядом; и тут – неожиданно – выскочила из леса совершенно обнаженная женщина, ошарашено окинула её взглядом и разъяренной тигрицей понеслась на неё; Каталина терпеть не могла всех этих истеричных дамочек и, в принципе, по жизни, а сейчас так ещё и платья не стремилась лишиться – поэтому – побежала к роднику и прыгнула туда к стоящему под водой бродяге. Женщина – за ней. Стоя у него за спиной, она прошептала ему в ухо:

– Спасите меня от неё. Я не умею и не хочу драться. Дерущиеся женщины – у меня всегда одно отвращение вызывали.

Бродяга, который стоял, загородив руками своё достоинство, отвечал:

– А чем мне с ней бороться? Руки – как видите – заняты...

Женщина уже стояла напротив, поэтому Каталина, не долго думая, ответила ему:

– Сейчас будут свободны и загородила ему достоинство своими; он тот час схватил за руки, уже успевшую исцарапать его, женщину и опустил её вниз, на лопатки; она завывала, разразилась проклятьями, её тело некрасиво билось в его руках, сжимаясь в складки, а

грудь шлепала в такт по животу; Каталина с отвращением отвернулась, тем паче, что в её руки уже не влезало доверенное ей богатство. « – Черт возьми! Он что – от всего этого ужаса ещё и возбуждается?» – думала она, прижимаясь к его спине, чтобы ничего не выронить.

Женщина вдруг перестала биться и начала рыдать и выть – Каталине тогда захотелось собственноручно её придушить.

Тут из-за деревьев показался утонченно одетый юноша, он подошел к роднику и с томным удивлением взирал на них на всех, сцепившихся в непонятную кучу.

– Это ваша любовница? – крикнула ему, вконец рассердившись Каталина. – Заберите её! Она нас чуть не убила.

– На вас – её платье? – разглядел вдруг юноша и расхохотался – громогласно, на весь лес. – Конечно, она вас хочет убить...

– Купите ей новое! – возразила Каталина. – Как вижу, вы не бедны.

– Верно, – кивнул юноша. – Но мне проще купить себе новую женщину, пожалуй. В такой позе как она сейчас – она совсем, совсем не эротична... Не хочу её больше.

И пошел назад. Женщина, всё слышавшая, вдруг перестала рыдать, вырвалась из – уже почти не сдерживающих её рук бродяги – и неловко, в раскорячку побежала за своим удаляющимся любовником, с криками и плачем умоляя его вернуться...

Каталина, наконец, смогла убрать руки снизу и обнаружила, что они испачканы чем-то белым. Она молча омыла их в роднике, подошла к покрасневшему – и ослепительно красивому в обнаженном виде – бродяге и вlepила ему звонкую пощечину:

– Это за испачканные руки! Но впрочем... звон приятный.

А потом чмокнула его в щеку и тут же отошла:

– А это просто раз обещала.

И вылезла из родника; стала, отвернувшись, отжимать своё – так неудобно раздобытое и отстоянное в нелегкой битве – платье.

(16)

– А что это за место всё-таки? Куда меня занесло?

– Остров... такой.

– Типо – маленький кусок суши, со всех сторон окруженный водой?..

– Нет – кусочек суши, уходящий как бы в никуда... мы идем вперед – и конца там нигде нет; мы можем идти так вечно. Есть только – начало, исходная точка; но она осталась там, на берегу.

– Остров бесконечности?..

Почти с каждым их шагом – небо всё больше темнело, Каталина постепенно начала зевать и – незаметно для себя самой, по старой привычке опираться на мужские руки – оперлась о его руку, он же – молчал и смотрел куда-то вперед – будто смотря там фильм, видный только ему одному; так они и шли.

– Не знаю, к чему бы это теперь, – начала вдруг Каталина, – но мне вдруг вспомнилось, что раньше, в зеркале мне часто виделась незнакомка – с моим лицом, но брови всё время подняты как бы с угрозой, а волосы – прямые, совсем белые и длинные – до пола, а может и дальше... у неё было что-то ядовитое в лице – знаете, есть такие красавицы, которые вроде бы с виду – и кукольны, и милы, но – все они будто в шипах, и даже кажется – вот пошевелишься, скажешь что-то не то по её мнению и она кинется и укусит, как змея; и яд растечется внутри – и вот ты уже им скован, и смотришь ей в рот, злишься, ненавидишь – а, между тем, ходишь за ней, спишь у её ног, а днем – выстаиваешь часы перед ней на коленях... а она – хохочет, хохочет бешено и неэстетично; и кончиком туфли – полубрезгливо – гладит твои волосы, как котика какого-нибудь – до которого лень наклониться. Её спутник – пока она говорила – всё больше серел лицом и под конец уже смотрел на неё почти с ужасом.

– Откуда вы это знаете? – вдруг вырвалось у него; он начал вглядываться в её лицо и чем больше он вглядывался, тем больше качал головой и грустнел.

– Я чувствовала такое... А потом эти видения

стали пропадать, пропадать и ... совсем исчезли. Но – что с вами? Будто вам знакомо сказанное мной...

– Да, – кивнул он и усмехнулся. – Вы описали существующую на самом деле... увы.

– Вы встречали такую?

– Любил... Она дьявольски прекрасна и жестока, она спит с кем попало – но все в неё влюбляются, и никто-то этого не стесняется – все гордятся; и мечтают – стать последним её любовником... а она вот так именно, как ты описала – хохочет и – не то что гладит – а швыряет туфлей, так что каблук ранит в лоб до крови... но ты не оскорбляешься – ты на колени, и даже в слёзы, да хоть бы и в грязь носом... лишь бы грязь эта – пахла её шагами.

– Досадно.

– Что из всего?..

– Что ты – и иже с тобой – влюбляются в таких вот... Так вам и надо за одно это. Любить нужно достойных.

– Ты ревнуешь?

Каталина отвернулась и спросила:

– А кто она такая?

– Воспитанница колдуна – он взял её к себе, вырастил и сделал своей наложницей (с тем только и растил); а так как он стар и страшен, то чтобы она не сбежала – заколдовал её волосы: они выросли длиной в несколько километров, весь его дом был устелен ими – как будто в змеях и сделай она шаг из дома – он бы тотчас по движению волос заметил и ногой на них встал... а ножницы все спрятал и вообще всё режущее – так она несколько лет и металась там птицей на привязи; может и вся злость – результат этих лет... но однажды – мимо шел бродяга, ваш покорный слуга – из окна она улыбалась ему и позвала к себе, шепнула через окно, чтобы он достал ей нож – он тотчас отдал её свой (последний подарок отца – предсмертный и единственно ему важный), она обещала сбежать к нему и скрылась из окна, он прождал её около него всю ночь... но утром в доме нашли только отрезанные груды волос – продавцы париков почти дрались там между собой, вырывая друг у друга по золотой пряди – и труп колдуна,

кастрированный со своим же достоинством во рту. А она – исчезла... хоть потом спустя месяцы говорили, что слышали, как она соблазнила и бросила нескольких почтенных, набожных и сверхинтеллигентных до того людей... и что волосы её теперь – ниже пояса, а больше – так и не растут; она не позволяет их подстригать – ибо вдруг потом не вырастут? ...а бродягу тогда посадили, года на два – ибо нож-то его был, несколько месяцев он гнил в темнице – а после его отпустили... за отсутствием иных доказательств и каких-либо мотивов к убийству. И вот он в пути...

– И влюблен всё также?..

– Увы.

(17)

– А как её имя? – спросила несколько дрожащим – на удивление самой себе – тоном Каталина.

– Айдан.

– Восточный дух в нём, тяжелый... А ваше?

– Каталина отвернулась и продолжала как-то слишком тихо. – Мне хочется услышать ваше... хоть я не люблю запоминать имена, от этого и не спрашиваю никогда – но ваше знать хочется.... почему-то.

– Я его вам сейчас не скажу – потом... сейчас просто не время.

– А насчет вашей в неё влюбленности – я вас как будто понимаю... я сама так любила; с досады почти и от отсутствия кого-либо лучшего... Вокруг меня было много всех – но очень редко к кому меня тянуло, и из всех них – только к одному... К тому, который ничего не обещал, не делал для меня – я этого все и видела, и осознавала – но перед ним была какая-то безвольная, уставшая от поисков лучшего – хотелось притормозить и отдохнуть в его руках (отдохнуть, заметьте – не сдохнуть!)... по сути – в нем была одна внешность – остальное всё слишком явно – не моё, чужое... и я с первого дня ведь знала, что это имеет конец, как всякий спектакль – что нужно уйти бы (не доводить

до трагедии и заломленных рук) – но куда?.. К тем, кто мне противен и с кем мне скучно? Сидеть и давиться их обществом, зная, что с ним – совсем всё иначе? Ради правильности и гордости? Ради вида (уже без капли удовольствия) – как все эти благообразные, выходящие за тех, от кого им тошно и они одно шитье вместо секса до конца жизни чтят и проповедуют?.. а с ним – было, конечно, больно от осознания того, что когда он рядом – его присутствие, как его отсутствие; и сверх того – ни звонка, ни фразы, ни лишней встречи... и плакать бы так, и плакать; или – всё бы к черту... Но одной сидеть – гаже; а тот далекий человек, что из мечты, – откуда я знаю – когда он появится? Умереть можно или свихнуться – его ожидая... а иногда, кажется, что его и вовсе не существует; а может он умер – ещё до моего рождения? Вдруг кто-то в небе не уследил – а он умер; и как тогда жить?.. А не тот человек – это большая досада и боль: смотреть в глаза – и видеть пустые глазницы, и руки – равнодушно ласковые, и безумство секса – нирвана от которого проходит через сутки, а объятья – уже пусты...

Каталина сама не заметила как осела на землю и плакала; он протянул к ней руки и стал гладить её волосы – она их как-то неловко и отчаянно схватила, уткнулась ему в ладони и плакала уже прямо в них; и сквозь слёзы её сбивчивый голос продолжал:

– Я это вам некстати ведь говорю... Мужчинам такое не говорят. Но... вы вроде бы должны понять; и что мне с вами наигранно держаться, если у вас почти тоже?.. И плакать как-то не стыдно – ведь увлечены вы не мной... от этого легче. И больно – видеть мужчину с занятым сердцем, перед собой – и далеко... этот контраст мне уже ненавистен.

И она ещё сильнее разрыдалась.

– А если вам тошно смотреть на мои слёзы – так, знаете, подите вы к черту... – начала она, но он опустил ладони ниже, прикрыв ей рот.

(18)

– И часто вы так плакали? Даже мне – вы

рвете этим душу, ему – разве же ничуть?..

– Я не при нем (его бы потом скорее – вырвало, чем он за меня заболел душой); разве только – когда уж совсем нет сил держаться... Я уезжала куда-нибудь в кино, и там – в тёмном зале, под грохот голосов персонажей – истекала слезами; а потом шла в туалет и салфетками вытирала лицо, и строила перед зеркалом наигранные улыбочки; а иногда и в туалете тоже... как-то даже вышло, что меня там прорвало от парочки трахающейся в соседней кабинке – я вдруг начала плакать и почти час не могла остановиться.

– И вы совсем никогда не были счастливы?
– Я всё ждала, что оно ведь когда-нибудь должно наступить... ждала, ждала... а потом как будто канула в какое-то безвременье. Уже не ждала счастья, уже не ждала кого-то, просыпалась утром с мечтой увидеть его – этого ненужного и ничего на дающего мне своим присутствием человека – вечером, хоть на чуть-чуть... и иногда эта моя мечта сбывалась (как конфетка – голодному); но я и в эти мгновения так боялась, что вот-вот и она кончится – что толком и не успевала ощутить её...

– А как же вы ушли?

– О, это даже не моя заслуга... это случайность.

– Мне вас жаль...

– Это отвратительно слышать из ваших уст; так жалеют дохлую птичку, держа её за кончик лапки и откидывая за забор. Такая точно вот жалость со стороны... вы лучше уберите её; она меня унижает... сейчас – особенно.

– Мне убрать свои руки? Соль ваших слёз, признаться, разъедает мне ссадины...

– Нет... ещё минутку хоть – не убирайте, ладно?

(19)

– Мне было так одиноко; я почти врзалась вечерами в стены, ведь я не включала свет – чтобы не видеть пустоты комнаты (темнота сглаживает все углы, заполняет собою всё вокруг), я пила все время пила кефир и читала

– но молча ненавидела и то, и другое – за то, что всё это просто поменять на него... А как вы её любите?

– Иначе; светло... мне хочется найти её и лечь у её ног – и это будет счастье, крайний его пик (не напороться бы только – чтоб подольше быть с нею).

– Меня так никогда не любили (как мерзко в этом сознаваться – и вам, и себе; пожалуй, выдумать из ничего – некое подобие было бы проще – как многие и делают)... Мне хочется, слушая вас, ненавидеть её; чем она заслужила ваши чувства? А они у неё есть...

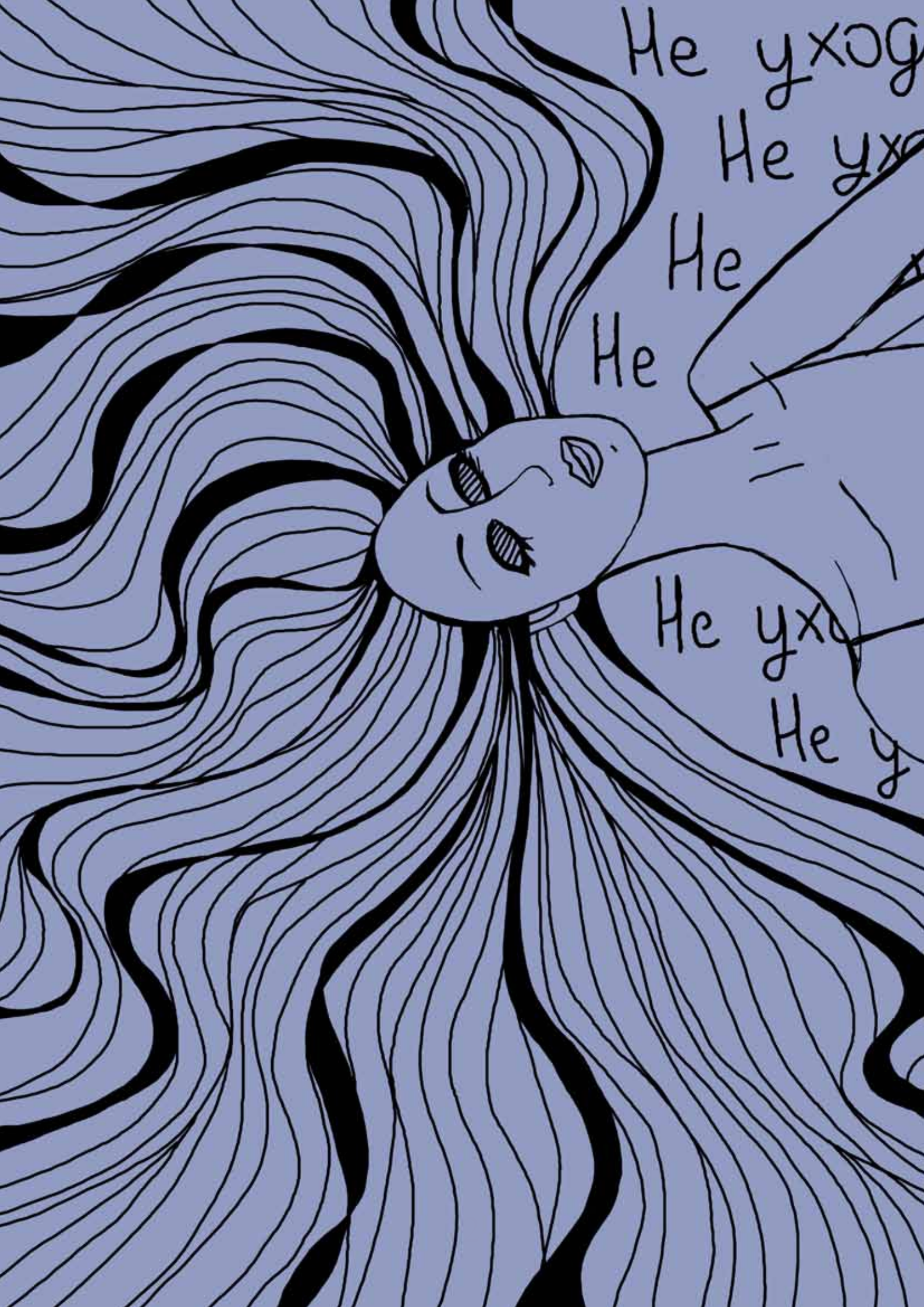
– Бедная...

Каталина отдернула, наконец, лицо от его ладоней – и стала быстро-быстро пальцами вытирать слёзы, встала – чуть качнувшись – и пошла вперед. Он догнал её и пошел рядом; она прибавила шагу – он тоже, она побежала – он ухватил её за рукав:

– Ну что вы опять? Я говорю вам то доброе, что могу сказать, что чувствую – а вы оскорбляетесь?..

– Понимаете, – слёзы вновь сами собой потекли из её глаз, она рукавом начала загонять их обратно – но они вновь сбегали вниз по щекам, – понимаете, я от этих ваших слов – себя никем чувствую. Мне в детстве часто снились сны, где я была – не главный персонаж (а это страшно, страшно ведь), а – так только, некто смотрящий со стороны, некто недопущенный на бал и наблюдающий его через стекло окна; и вот сейчас – будто также, почти теми же штрихами... нелюбовь его ко мне – и ваша любовь к ней; это убийственно... Мне хочется уйти от вас – мне больно в вашем обществе. И... вдруг – я и в вас влюблюсь?.. Мне стыдно это вам говорить – но мне так больно вас слушать, больно дышать рядом с вами и все эти ваши жалостливые слова слушать – я лучше уйду... Давайте же простимся; вы хороший... но я истекаю тут болью – я пойду, пойду...

Он выпустил её рукав, и она пошла вперед уже одна; он же остался стоять вдали и смотреть ей вслед... все больше обращаясь в силуэт на фоне деревьев; не оборачиваясь, Каталина могла

He yxog

He yx

He

He

He yx

He y

He yxo
He yxo
He yxo

He yxo
H

He yxo
He yxocgu...

proshy!

He yxog

Umlalyo...

He yxocgu!

He yxocgu!

представить себе эту картину – и она сжимала ей сердце даже в таком, воображаемом виде. Однако же, с каждым шагом она дышала всё ровнее, спокойнее – всхлипывания пошли постепенно на убыль; впереди завиднелись какие-то башни – совсем черные с красными наконечниками, они ей понравились, её потянуло к ним – и она почти побежала туда, к ним; на покрасневшемся от слез лице выступило даже слабое подобие улыбки.

(20)

Она на удивление быстро дошла до здания с чёрными башнями, огляделась – вокруг всё было как выжжено: земля чёрная, голые, красиво-болезненные ветки торчат из земли – будто вовсе растут без стеблей; постучала в дверь – не ответили, она толкнула дверь – темнота приняла её в свои объятия и она словно провалилась в неё; ноги – уже как бы сами по себе – шли куда-то вглубь, спотыкались о какие-то цепи и пару раз даже натыкались на крыс – их мягкая шерстка ласкала ногу и вызывала в голове почти игривые мысли; потом как бы из ниоткуда возникли ступени – она нащупывала руками поручень и начала постепенно подниматься – лестница шла спиралью и иногда у неё возникало ощущение, что она – спираль и крутится у кого-то в голове и когда она – докрутится – этот кто-то умрет, ба-бах и его нет; и вот, он умер на сотом почти шаге – когда она носом уткнулась в дверь и коленями слегка подтолкнула её – яркий свет ударил ей в глаза; она не сразу смогла различить белый трон, около которого на полу сидел некто, одетый в наряд арлекина – и вокруг горело множество свечей. Каталина не удержалась от того, чтобы на цыпочках не приблизиться к трону и не усесться в него – оно оказалось до чертиков уютное, но тут вдруг проснулся арлекин – сначала спросонья удивленно на неё взглянул, потом вдруг взгляделся в её лицо и принялся целовать ей ноги; Каталина закричала:

– Что это вы?

– Делаю свою работу.

– Это какую?

– Ублажаю вас, моя королева. Вы очень голодны в этом плане?

Каталина на миг потерялась, но – потом её осенило:

– Вы приняли меня за эту самую Айдан? Так я – не она!

Арлекин расхохотался и продолжил поцелуи, лицом пролезая ей под юбку – Каталина отбивалась:

– Кто вы такой, наконец? Арлекин?

– Шут! – раздалось из-под юбки. – Ваша игрушка... Брюнетка вы или блондинка – но я ваша игрушка... Играйте!

Каталина-таки вырвалась и отбежала на пару шагов, но шут тотчас метнулся к ней и поднял её на руки; она была усажена на трон (он расслаблял – увы – совершенно) – а поцелуи шута теперь вновь приближались к вершинам её ног и у неё от этого перехватывало дыхание.

– Расслабьтесь... расслабьтесь, моя королева...

– шептал шут, поднимаясь всё выше и выше.

– А я ведь хочу, пожалуй... – положила, наконец, руки под голову Каталина и закрыла глаза шепотом закончила:

– Я когда-то о вас мечтала... а у неё – вы уже были. До-сад-но... м-м-м...

(21)

– Оргазм – порой единственный смысл жизни... – глядя в потолок прошептала Каталина, расслабленная и псевдосчастливая – она откинула голову назад и не шевелилась. – Кто-то ищет его в еде, в деньгах, в религии, стремлениях каких-то глубоких... любви полной слёз – а зачем чёрт возьми, любовь полная слёз?.. Я лучше оставлю это героиням книг – у них оно мазохистски-прелестно выходит, читаешь и киваешь, и думаешь – «а я за любовь-кайф, но вам так идёт, идёт такое вот трагичное – не спорю!»...

– Какие непохожие на вас речи, – удивленно ответил, уткнувшийся носом ей в колени, слегка уставший шут; помпоны на его шапке – щекотали ей грудь, случайная пушистость всегда была ей особенно приятна – вызывала

дрожь по шее, постепенно уходящую куда-то ближе к вискам; такое с ней случалось иногда и от голоса незнакомой девушки – и хотелось, чтобы она говорила и говорила дальше (всё равно какую чушь, лишь бы мурашки бегали и бегали дальше – почти до крика), и от шелеста ручки врача в поликлинике, строчащего что-то каракулями в карту (и пусть бы, пусть бы хоть век писал) – было жалко, когда это прекращалось и ничем сие не предотвратить – не сказать же: «Не обламывайте мне удовольствие... продолжайте... я буду кивать и делать вид, что придаю значение чему-то кроме этих своих ощущений – что весь этот надуманный смысл, что на поверхности, – тоже важен... и никто не будет знать – что я на самом деле чувствую, никто не разгадает... и в том тоже таится как бы продолжение кайфа.» По её коленям вновь – крыльями бабочки – запорхали поцелуи, и она закрыла глаза – как кошка греющаяся на солнце: чтобы ничего не отвлекало от ощущений...
– Моя королева...
– Молчите же, – досадливо прервала она его слова и подтолкнула его голову рукой...

– Знаете, мне плевать на мир и на

всё... я бы потратила свою жизнь на то, чтобы вот так сжимать коленями вашу голову; и эта ваша шапка – она меня волнует... и то – что вы сидите там внизу. И смотрите на меня как преданный пес... Будете моим псом?

Он кивнул:

– Я уже...

– Её.

– Её? Ваш!

– Айдан – не я. Смотрите на волосы...

– Смотрю на лицо и вижу мою королеву. Причем тут имена?

– А он вот... даже и в моем лице – не видел её; он просто в мыслях видит именно её всегда перед собой... и эта картина ему заслонила всё. И всех.

– Он? Кто-то, кто очередной каприз моей королевы?

– Всё, молчите... лучше сделайте это дальше... Любовь – лишнее (сейчас), ощущения – пьянят, пьянят...

Ящик четвертый. **ВЫШЕ**

(22)

Уже обессиленная, уставше-счастливая и кружимая шутом по комнате – Каталина хохотала, хохотала без мыслей, без оглядки на что-то и только говорила:

– Сидели бы вы вечно так у моих ног, удовлетворяли эти мои порывы – и мне больше ничего бы не было нужно... Пусть бы всё летело к черту! К черту!

– Я и буду у ваших ног, – не останавливаясь и кружа, кружа её – отвечал он. – Такая моя судьба – я ею счастлив.

– Не у моих... – покачала головой Каталина – и с этой фразой вдруг вся как бы увяла, и уже совсем иным – безжизненным – тоном произнесла:

– Поставьте меня на землю.

Он подчинился – и её покачивающиеся ноги только коснулись пола, как она уже опустилась вниз, и вот уже она сидела на полу, глаза у неё были совсем мокрые:

– Вы – у её ног... Он – у её сердца. А что, простите, мне? И какого чёрта оно всё так?!

Шут котом лег вокруг неё и целовал ей запястье, кисть – мягко и без слов, так что она тотчас же успокоилась.

Тут вдруг за дверью послышался частый стук каблуков, и на пороге возникла девушка – в которой Каталина сразу же узнала саму себя – и в тот же миг узнала и её; её – со свисающими до колен золотистыми косами и поднятыми в усмешке бровями; она будто бы гневно – а может так показалось из-за поднятых так высоко бровей – взглянула на них и рассмеялась, сначала ничего не уловив странного в Каталине и обращаясь к шуту с веселым одобрением в тоне:

– Оу! Ты без меня тут не пропадешь... Чудно, чудно!

Покачивая бедрами, обернутыми, как и всё её тело, в золотистую ткань она подошла к ним, наклонилась и стала рассматривать Каталину; шут – ошарашенный – отполз в угол и закрылся руками. Блондинка смотрела-смотрела на Каталину – и вдруг поняла всё, схватила её за подбородок и стала туда-сюда

поворачивать её голову; потянула за руку с полу и потащила за собой на выход, там они свернули в другую комнату и оказались прямо перед зеркалом – две абсолютно похожие, но с разными прическами и в разной одежде; одна – ликующая и мефистофельская почти, другая – ошарашенная, совсем неготовая к зрелищу в отражении зеркала – несмотря на то, что ей-то как раз были и известно про существования своего почти двойника.

Айдан – а это была аккурат она – была как будто и не особенно удивлена чем-либо, она смотрела в зеркало и лицезрела в ней просто новый забавный поворот своей жизни; лишь одно её смутило поначалу:

– А ты была счастливая – до этого дня?

– Нет... и теперь нет, – без эмоций отвечала Каталина, не в силах отвести взгляд от зеркала и посмотреть на живую свою копию – стоящую рядом.

– Тогда хорошо – а то бы я тебя убила; моя жизнь – была ад, пока я сама не придумала, как из него вырваться... а сейчас – восторг, игра, влюбленные мужчины ниц!.. А у твоих ног лежат толпы?

– Нет.

– И опять правильный ответ: они все – мои, мои!.. Но, знаешь, я научу тебя – будешь помогать мне играть ими. И сама будешь моей новой куколкой! Такая забавная! И появилась – так кстати! А то мне всё теперь стало наскучивать... Всё – одно и то же, одни и те же...

– Я знаю того, кто вас спас... Он вас так любит; бредит вами...

– О, они все меня любят! Я без понятия о ком из них ты... И, кстати, надеюсь, ты не невинна? Невинность не идёт красоте. Ведь, нет?

– Нет.

– И третий правильный ответ! Ты заслужила приз... Но вот ведь смех – его ты уже получила – устами моего верного шута. Правда, он восхитительно это умеет?

И стены вновь огласились смехом Айдан. Косы взлетали при каждом её движении и касались колен («Восторг!» – подумала про эти прикосновения Каталина), платье –

сверкающее и из легчайшей материи – игриво колыхалось на её теле.

(23)

Каталина отошла к стенке, убрала руки за спину, совсем низко опустила голову – и уперлась в стол, пальцы с края стола – перешли на что-то металлическое... должно быть, нож – поняла она, ощупывая его; двумя пальцами Каталина ухватила его и пошла вперед к – стоящей напротив и взирающей на неё с любопытством, как на забавное существо – Айдан. Подошла к ней и быстро выставила вперед руку – нож сначала прорезал легкую ткань платья, потом погрузился в нежную кожу – Каталина прокрутила его, а Айдан – стояла и без слов, не двигаясь в шоке смотрела на неё – только глаза будто стали в два раза больше и у губ нарисовалась красная полоска – которая всё нарастала, нарастала и потекла багровой каплей наружу, медленно спускаясь к подбородку...

Каталина была на удивление спокойна, лицо не выражало ни одной эмоции – она отпустила нож, который так и остался торчать наружу из груди Айдан, произнесла как будто даже нежно:

– Ваше сердце всё-таки пронзено... Так это просто – что мне даже странно.

Каталина обошла её кругом, потом вдруг стремительно прижалась к ней со спины – положив голову ей на плечо и глядя по волосам:

– Какая вы ядовито-красивая... Я вот сейчас – вас тоже люблю.

Из глаз Айдан – текли ручьями слёзы («Может впервые?» – подумала Каталина), она еле дышала – на губах то и дело вырастали и лопались красные пузырьки; Каталина обняла её спину и поцеловала в щеку:

– Мне вас сейчас жалко... жалко...

Айдан начала вдруг опадать вниз, Каталина подхватила её под локти и опустилась вместе с нею на пол – так что голова Айдан оказалась у неё на коленях; она пальцами перебирала её волосы, наклонялась и целовала её в шею,

вытирала ладонью её слезы – не касаясь только струек крови бежащих из её рта на пол...

Когда глаза Айдан совсем застыли и остекленели – глядя куда-то в потолок, а ноздри перестали шевелиться – Каталина, бережно переложив Айдан на пол рядом, поднялась и уже в одиночестве подошла к зеркалу; там она увидела себя уже облаченной почти в ту же ткань что Айдан – но кроваво-красного цвета, а её темные волосы – прямо у неё на глазах – стали расти, расти и остановились только у колен...

Каталина подошла к Айдан, наклонилась над ней и провела пальцем по её губам – палец окрасился в ярко-алый; Каталина вернулась вновь к зеркалу и провела этим пальцем по своим бледным губам – они заблестели, начало щипать.

«Будто ядовитая» – промелькнуло в голове у Каталины.

(24)

Каталина и шут ташили труп Айдан вниз по ступенькам – каблуки её туфель отстукивали по каждой ступеньке, но снять туфли – никто из них не хотел и даже не озвучивал в стух такого предложения, поэтому стук оставался с ними до последней ступеньки; разве что Каталина догадалась намотать волосы Айдан себе на руку, чтобы они на них не поскользнулись – пряди как золотые браслеты сверкали на её руке, зачаровывая взор и самой Каталины (там, наверху – она еле сдержалась оттого, чтобы не отстричь их и не оставить себе – но совершить это ей показалось последним кощунством), и шута – он наклонялся и целовал обернутую ими руку Каталины – и это невозможно сердило её, ибо выходило, что опять же эти поцелуи касаются её, но адресованы совсем не ей. Она гневно взглядывала на шута, он опускал глаза и отворачивался – и так вот, в молчании они и дотащили труп Айдан до последней ступеньки и шмякнули труп о землю – руки Айдан раскинулись и кончики пальцев на долю секунды проехали по ноге Каталины; шут упал на колени с нею рядом и

принялся её обцеловывать.

Каталина чертыхнулась и села рядом, на последнюю ступеньку лестницы:

– Хорошо, что она не ведьма. А то бы ещё ожила...

– Она ведьма, – целуя колени Айдан, ответил шут и пропал у той под юбкой; Каталина сначала не уловила сути его поступка – а потом услышав знакомые звуки, вскочила и выбежала через всю комнату на улицу, где её стошнило на какой-то розовый куст.

– Наверно, её любимые, – произнесла Каталина, еле дыша и чуть улыбаясь этой своей мысли.

Осела рядом в траву и стала смотреть на дверь – назад ей возвращаться не хотелось; труп её блондинистого двойника и ублажающий этот труп шут – не лучшее ведь зрелище.

Она решила подождать покуда шут вытащит труп на улицу – и решить совместно как с ним быть; минут через пятнадцать шут вышел таща её под локти то, что некогда было Айдан – её волосы были в беспорядке, лицо в каких-то красных пятнах – как от укусов, царапины на лбу... Шут опустил её на землю и начал застегивать свои штаны – которые все были перемазаны кровью Айдан, Каталина отвернулась – стараясь не думать что он там проделывал с трупом и не следовало ли ему изначально помешать так вольничать с ним, ведь она-то решила тогда, что это что-то вроде ритуала прощания между шутом и его хозяйкой, а тот – походу – решил капитально отыграться на том, что осталось от его госпожи, раз оно столь безнаказанно...

Каталина как можно более равнодушным тоном спросила:

– Тут есть какое-нибудь болото?

– Есть.

– Отнеси её туда... к русалкам.

– А вы? – удивился шут. – Не можете мне?

Она совсем отяжелела...

– Я подожду тут, – помотала головой

Каталина, подползла чуть к стене здания – и облокотилась на него спиной. – Только больше её не... ладно?

Шут вновь подхватил труп под руки и

поташил, рот Айдан открылся... Каталина, отведя взгляд, добавила ему вслед:

– И принеси что-нибудь поесть...

(25)

Только-только шут со своей ношей скрылся в листве, как по другую сторону возник силуэт бродяги – тотчас он увидел Каталину и пошел в её сторону – кровь похолодела в её жилах, но она шелохнулась – ей было странно, но она будто бы даже успела по нему соскучиться и радовалась его появлению, не смотря на то, что это не таило в себе никаких обещаний; скорее – их отсутствие... пустое присутствие, которое способно растаять в любой миг дымом... а дым – она знала – ей не ухватить руками, разве что поймать в бутылку и хранить там как джина; вытаскивать, смотреть и убирать...

Бродяга подошел к ней и как бы само собой, даже и не приветствуя, опустил рядом – так они и сидели неизвестно сколько времени, каждый сам по себе – пока у Каталины ком в горле не вышел наружу словами:

– Знаете, вам ведь больше некого любить...

– Вам что – что-то известно об Айдан? – сразу встрепенулся бродяга, взгляд его в миг потерял задумчивость – сделался жалким, умоляющим, он придвинулся совсем близко к Каталине и чувствовалась готов поднять её как мешок над землей, чтобы только быстрее вытряхнуть – как зерно – информацию...

– Она уже загнивает в болоте, – зло, почти в слезах (откуда они только так быстро наполнили глаза?) выкрикнула ему в лицо Каталина.

– Что за бред? Что за бред? – казалось волосы у него на голове встали дыбом, глаза округлились – стали как шарики и весь он был багровый и трясущийся. – Откуда такое? Как? Или вы мне это специально?..

– Я её сама убила, – Каталина поднесла к его глазам свои ладони, всё в каплях крови. – Смотрите!

Тут он потерял всякое человеческое обличье – начал облизывать её пальцы, ладони, почти кусать их – чтобы только до конца слизать

кровь; Каталина пыталась вырвать свои руки – но он до синяков сжимал их, так что это совсем стало невозможно.

– И посмотрите на мои волосы – они ведь выросли; не находите? – с каким-то отчаянием закричала она; он тотчас выпустил её руки и начал тыкаться лицом в её волосы, тереться о них – так что ей стало больно; он обмотал их вокруг своей шеи и не отпускал. – А это платье – тоже не знаю откуда... красное – может тоже из её крови?..

Он начал рвань на ней платье и кусочки ткани складывать себе в карманы – он всё себе ими наполнил, она же уже не двигалась – только закрыла руками лицо и старалась глубже дышать, чтобы не расплакаться; голосом дрожащим, но гордым она продолжала:

– Она уже разлагается в болоте... Хотите туда?.. Будете вторым её любовником после смерти; в первые любовники – вы опять, опять опоздали... Хотите?..

Тут он зло – с ненавистью почти – начал целовать ей рот, зажав в тисках – так чтоб ей было больнее, она слышала хруст своих костей, ощущала кровь на ноющих губах – но не вырывалась, а как бы замерла – как бабочка в янтаре... и вкоре оно всё так и завершилось... минут за десять, если не меньше.

После чего – он встал, чуть поправился и куда-то пошел, ей же – очень хотелось остаться теперь одной, зарыться куда-нибудь и она была даже рада этому его уходу; оборванная и покачивающаяся она пошла назад в черное здание, начала медленно подниматься по ступенькам вверх... с каким-то почти упоением – будто всё теперь утлено, все раны смазаны и ещё не скоро заболят.

« – Я что – счастлива? » – думала она в каком-то, не доведенном до черты определенности, удивлении, но ей хотелось сейчас только лишь спать – ибо там наверху, наверняка, есть кровать, куда можно доползти и свалиться; было осознание, что должно быть они больше не увидятся, и что это – и не нужно, и ничего – что сейчас она как если бы влюбленная (и выпита, и напившаяся) и того гляди сейчас

заснет – после всего что было – даже без его плеча...

Доходя до этой мысли – она её обрывала и вновь возвращалась к мысли о том, что скорей бы лечь спать; и так по кругу...

В покоях Айдан – она подошла к зеркалу, и глядя на свое отражение произнесла с иронией:

– Она бы не заплакала... Засмеялась.

(26)

– Я опустил её в воду, а она – хоть такая тяжелая была – всё никак не тонула: лежала – волосами по воде, и будто бы уснула... и только вода розовела, розовела вокруг неё; ей так это шло! Я в тот момент особенно был счастлив, что успел обладать ею – пусть и такой...

– Кинул бы и ушел... ушел!.. Зачем мне это всё слушать?.. – Каталина лежала на животе на огромной кровати покойницы, завернутая в несколько одеял – так что наружу были только руки, грызла яблоко – с каким-то странным горьким вкусом – и слушала сидящего перед нею, на полу шута. – Зачем женщине все эти томности, если они не о ней?.. Не умиляют... злят только.

Шут разжал руку и там была длинная-длинная светлая прядь – он обвязал её в несколько слоев вокруг пальца и края получившегося кольца завязал.

– И яблоко – ужасное просто... Откуда оно? – С дерева у болота.

Каталина выплюнула недожеванное и швырнула остаток яблока на пол:

– А другой еды тут нет?

– Нет... мы кормились тем, что она добывала от влюбленных в себя.

Он посмотрел на Каталину и довершил:

– Теперь я, наверно, умру от голода.

– Слушай, в чем тут фокус? – рассердилась Каталина. – Если у меня её лицо – отчего он не видит меня в упор, отчего даже ты теперь видишь лишь тень... откуда сей жирный крест на мне?..

– У вас взгляд без блеска; не знаю... не знаю, как не разглядел этого сразу, Сразу как вы сюда

вошли.

- Но я же красива! И волосы – видишь – выросли почти как у нее...
- А взгляд – никакой... в него скучно смотреть – он молчит; ни одной искорки...
- Ну даже и если так... как с этим быть?
- Подпалить.

- Понимаете: вы красивая... но в вас не тянет безумно влюбляться. У вас такой одинокий бесприютный взгляд – даже когда смеетесь... Вы слишком несчастливы – а это отталкивает. За вас грустно... но грусть – не восхищение; а любовь мужчины – всегда от восхищения идёт. Вы умиляете как брошенная игрушка – вы мне меня напоминаете – я ведь тоже был её игрушка... И вас, наконец, жалко; но кто вас полюбит за слёзы?..
- Как ужасно это всё звучит. Я её убила – но секрет, выходит, не в ней... Он – мимо, мимо... Но, послушайте, ведь вам её мертвую сейчас – жалко?.. Значит – всё...
- Нет, ничуть. Я всё в восхищении...
- Из-за чего же восхищение?
- Скорее вопреки всему. Но мужчина так и должен любить: без восхищения – он ищет удобных женщин только; и тратит их, тратит – как пачку банкнот... а с восхищением – уже и в неудобстве, вопреки самому себе – отдает, отдает без числа и меры; и столько отдав – уже куда он денется?.. Вот и мне бы – за ней в речку. Да кишка тонка...

(27)

Шут уснул, свернувшись калачиком на полу, а Каталина всё не могла уснуть – вспоминала бродягу, его безумие при мысли о кончине Айдан, то как она потом толи отдалась ему, толи была изнасилована им – она покуда так и не разобралась что из этого точнее передает суть, но успокоилась на мысли что, пожалуй, всё вместе. Наконец, совсем извертевшись, она встала с кровати – хоть разворачиваться из тепла одеяла очень не хотелось – и пошла к шкафам – подобрать себе что-нибудь из нарядов Айдан. Там как-то сразу нашла себе

синее платье с круглыми рукавами и пышной юбкой, облачилась в него и подошла к зеркалу; длина волос – к которой она так и не привыкла – опять поразила её.

«Отчего они вообще выросли? Он что-то там говорил про ведьму...» – она перевела взгляд на спящего – как собака – шута, прижавшего к носу светлую прядь Айдан.

Она было подумала заплести себе косу, но стало слишком лень – да и накрученные на руки волосы Айдан ещё не вполне исчезли из памяти.

Она вышла из комнаты, пошла по спирали лестницы вниз – волосы шлейфом волочились за ней по ступенькам...

На улице она постаралась припомнить в какую сторону ушел бродяга и двинулась – почти без мыслей, интуитивно – туда; стемнело, лес был холодный и бесприютный, но – как заколдованная – она шла и шла вперед...

начался дождь, ноги стали тонуть в грязи – но ей казалось проще умереть, чем остановиться...

Наконец, вдаль стали виднеться домики и замок, мимо прошло пару человек – быстро-быстро, она еле успела им крикнуть:

- Что это за место?
- Гиблое королевство – у нас правит любовник королевы-вдовы.
- Да, не звучит это... – покачала головой Каталина.

Она прошла несколько домов, как увидела в одном из них бродягу – он выглядывал из зарешеченного окна; был белый как мел, взгляд без эмоций – даже увидев её, он вообще никак не отреагировал. Она подбежала к нему:

- Что ты тут делаешь?
- Он вымучено посмотрел и не ответил.
- Как я могу тебе помочь?

Он отошел от окна куда-то внутрь комнаты. Каталина кричала ему вернуться, но он никак не реагировал; в досаде она ударила рукой о стенку дома, и хотела уже заплакать – но тут кто-то коснулся её плеча – она обернулась и увидела маленькую согнутую пополам старушку:

- Помочь легко, только никто не согласится...
- Почему это?

– Королева передала дела своему любовнику после смерти мужа, но любовники меняются – королевство переходит из рук в руки... люди недовольны – нет никакой ни в чем уверенности. У королевы есть сын – но он не в себе, он то убегал, то возвращался; в городе его никто даже и не видел, но говорят – он страшный до невозможности... потому ходит завешенный платками и только смеется, смеется стра-а-ашно... Если бы королева нашла ему жену – то у нас бы стали новые правители и он бы, может, пришел в себя как-то; но кто за него пойдет?

– Боже, какая мне разница на всё это! Я хочу его освободить... – она кивнула на зарешеченное окно.

– Так я же как раз к тому и веду – если принц женится на вас, арестантов отпустят; королева не далее как вчера – так и объявила... надеялась, собственно, на родственников этих арестантов – но нет, не выходит её задумка; те предпочитают лишиться этих арестантов, чем отдать себя в жены уроду. А раньше и деньги она предлагала, и золото, и посты высокие... но всё без толку.

Каталина ненадолго задумалась и вдруг совсем другим тоном спросила:

– Хм... а разводы тут у вас бывают?

Каталина стояла напротив королевы – та с презрением её оглядывала и слушала; выслушав – кивнула, будто дело было – совсем пустячное...

Позвала свиту и сказала, что вечером будет свадьба и начать организацию, предложила Каталине пообедать – что было очень кстати, и будто так и должно быть – не предложила даже познакомиться с будущим супругом.

«Бойтесь» – подумала Каталина.

– А зачем вы это решили? – как бы невзначай спросила королева за обедом; пудра на её вянущих щеках ссыпалась от пережевывания пищи – стали видны неровности кожи и прыщи, отчего Каталина отвела взгляд.

– Мой друг... нет, знакомый... мой... вообще мой – какая разница кто – сидит у вас в темнице – а после свадьбы ведь его отпустят,

верно?

Королева удовлетворенно кивнула – синяки под её глазами даже чуть выровнялись оттого, что смысл дикого поступка Каталины стал ей многим яснее; Каталина смотрела на синяки и думала – они от переживаний возникли, или от бессонных ночей с любовником?

Её хотели сразу начать готовить к торжеству, но она попросилась сходить к темнице – взглянуть на бродягу;

но когда она туда пошла – зарешеченная комната была уже пуста...

«Так быстро отпустили! И ушел...» – Каталина с грустью – что не успела ничего ему сказать – пошла обратно; опустив голову, она думала теперь о том, что ей предстоит; правда ли – её названный жених так уж страшен? Она станет вроде как королевой – что внушало гордость, если вслушиваться в слова, и женой дурака – что эту гордость срезало на корню...

(28)

На Каталину надели платье – которое было ей совсем велико, объяснив – что ему уже не первый век и оно передаётся по наследству по женской линии; сие платье тотчас собралось на ней в ужасные складки, сидело мешковато и тяжело, к тому же – Каталина заметила на юбке маленькие пятнышки крови и подумала – уж не лишились ли в нём все эти дамы невинности, не утерпев заветные пару минут?... Туфли украшенные кучей камней – ей смертельно жали; странно было понимать, что у таких полных дам – коим в пору было платье – были столь малюсенькие ноги; впрочем, она вспомнила, что не раз видела женщин, которые телом были как шар, но с карикатурно маленькими ножками. Волосы Каталины – которых было в избытке, чем вызвали недовольство парикмахеров – долго-долго и весьма для неё болезненно укладывали в тяжелую высоченную прическу – украсили её сверху золотыми цепочками и камнями, она – которая доставала почти потолка – и для того чтобы пройти в дверь, слугам нужно было её пригибать, так что цепочки звенели и ударяли

Каталину по шее.

Когда её подвели к зеркалу – она отвернулась, чтобы хоть частично оставить себя в неведении относительно своего вида.

Её надушивали чем-то тошнотворно-сладким, давали дурацкие советы «как лишаться невинности», предлагали самим пойти потом в комнату с новобрачными и проинструктировать их в процессе – Каталина махала ни них руками и как скороговорку твердила «нет-нет-нет»; в свите – готовящей её в невесты – было полно старых дев, которые шептали ей в уши – что супружеский долг ужасен и они могут дать ей снотворного, чтобы уберечь её: она бы уснула – а жених бы сам там разбирался что с ней делать. Развратницы же – коих тоже было немало – в свою очередь шептали ей в ухо всякие дикости: одна благовидного вида старушка посоветовала ей завести пса, ибо – по её опыту – супруг плохо справляется с этим делом... Другая посоветовала купить железный стул с наконечником посередине, который бы был «в распоряжении королевы» круглосуточно – зачем отвлекать супруга от важных государственных дел? Третья – пообещала одолжить ей на следующую ночь своего любовника, ибо ей «ничего не жалко для удовольствия будущей королевы». Четвертая – предложила сама прийти и всё как бы случайно касалась колен Каталины, чуть подмигивала и даже едва не поцеловала, но Каталине удалось вовремя увернуться.

Королева, так отчаянно меняющая любовников, теперь уже не казалась Каталине кем-то выходящим за рамки – она виделась Каталине очень несчастной женщиной.

Свадьба должна была состояться в самом замке, в огромной зале первого этажа; когда Каталину вывели туда – она сначала увидела любопытствующие толпы повсюду (все смотрели на неё как на урода из цирка – показывали пальцами, шептались – для полного эффекта Каталина даже показала язык одной почтенной старушке, чем вызвала новый поток перешептываний), потом – священника, маленького, растерянного старичка, которому было вид-

но, что неловко тут находиться и вести это абсурдное венчание, и – наконец – замотанного в пестрые тряпки – так что не видно лица – своего жениха.

«Слава Богу, что у него хоть две руки и две ноги», – не могла не подумать Каталина, ошарашенная всем вокруг до крайности и обрадованная хоть бы и этим – что её названный жених не кентавр, и не морское чудовище.

Свадьба состоялась столь быстро, что Каталина даже не успела понять что происходит – как они уже сидели за огромным столом и вокруг слышался хруст куриных ножек, звон железных чаш и чужих рыганий; Каталина жевала одни фрукты и пыталась рассмотреть сидящего рядом замотанного человека – тряпки ей мешали до невозможности, она попыталась было с ним заговорить – но он молчал в отчет, сидел не двигаясь и ничего не ел – как неживой; это внушило ей надежду, что не придется и думать как избежать супружеского долга – и она повеселела.

Наконец, дамы – которые готовили Каталину к торжеству – начали ей подмигивать, что им с новоявленным мужем пора бы пройти в покои: Каталина делала вид, что не замечает, отворачивалась; и тогда сама королева-мать встала и объявила:

– Давайте, проводим королевскую чету в их покои!

Все разом встали и – толкая вперед Каталину и её увешенного тряпками супруга – пошли из залы; стали подниматься куда-то наверх, прошли множество лабиринтообразных коридоров, бесчисленное количество лестниц – Каталине уже хотелось кричать от тупель, она даже чувствовала, как в них хлопает кровь и подумала, что это – весьма кстати, ею можно будет испачкать простыни – как будто после исполнения супружеского долга.

Неожиданно все остановились у огромных черных дверей, распахнули их и втолкнули туда горе-супругов, с ними туда хотела было зайти какая-то старушка – но Каталина её вытолкнула и попросила оставить их наедине. Все понимающе засмеялись и двери тотчас же захлопнулись; Каталина огляделась – комна-

та была совсем темной – без окон, одни только слабо-горящие свечи вокруг, да расстеленная кровать...

Первым делом Каталина скинула туфли и запрыгнула на кровать – тотчас она была вся в кровавых следах... Каталина чертыхнулась, что, пожалуй, неверно рассчитала – но, махнув на это недоразумение рукой, повалилась в подушки – на миг её охватило блаженство, что всё позади. Тут супруг подошел и сел на кровать, Каталина – на всякий случай – отодвинулась от него подальше, почти к самому краю. Он начал быстро разматывать тряпки и кидать их одну за другой на пол, Каталина сначала зажмурилась – но потом любопытство её пересилило, и она-таки взглянула на него. И тотчас оглушительно закричала.

Ящик пятый. ДНО

(29)

Перед ней был – тот самый бродяга, только умытый, разряженный (чего только ради – ведь все равно всё прежде было скрыто за тряпками?); она вспомнила, что так и не знает его имени – не знает ни после тех десяти минут страсти, ни после того – как они только что поженились... Она и закричала-то – от шока, от неожиданности; но не без ликования, конечно – этот человек, к которому она все время возвращалась мыслями был по-любому лучше в мужьях, чем некто обещаемый и страшный. Она кинулась обнимать его – по первому порыву – но он отодвинулся и продолжал сидеть и смотреть на неё без единой эмоции, как если бы видел первый раз в жизни.

Каталина рассердилась:

– Я думала, что спасаю вас этим всем маскарадом... Я убила ту вашу роковую любовь; ведь чары ведьм рушатся после смерти, нет разве же?... Я отдалась вам – оттого, что, может, влюбилась в вас – а вам плевать! Плевать! Как это всё осточертело-то... Как вас хотя бы зовут? Я, наверно, теперь-то имею право знать?

– Амадинг.

– Дурацкое же имя... Впрочем, как и вы, – Каталина встала с кровати, дошла до двери и села на пол – не открывая взгляд от названного супруга. – И что вы думаете делать со всем этим теперь?

– Ничего, – также, без эмоций ответил Амадинг. – Разве что – перестаньте звать меня на вы... вы же теперь мне жена.

– Значит все-таки жена?

– Ну, так священник сказал...

– Действительно. А сейчас мы спать ляжем, да? Как девяностолетняя пара – спиной друг к другу?

– Так ты, Каталина, – в обиде на отсутствие брачной ночи? – улыбка все-таки коснулась губ Амадинга. Он встал с постели и подошел к Каталине, погладил её по голове как ребенка и сел рядом на пол; она же – была уже в слезах и отвернулась, чтобы не демонстрировать этим ещё одно доказательство своей слабости:

– Нет. Мне не хватает многим большего...

Правда ведь смешно – я вроде бы замужем, а опять – одна?... Я когда-то давно хотела выйти за одного человека, но он не был готов – а я не могла быть для него кем-то меньшим, чем женой, и я ушла... через год мы встретились, случайно: я тогда уже его не любила (любовь во мне сгорает раз и навсегда), я смотрела на него с мыслями «как я могла с ним вообще быть?» – но мне хотелось услышать от него предложение... просто услышать... для себя – чтобы вернуть в себя то, что потеряла прежде. Услышать – чтобы отказать; чтобы потом хотя бы знать, что «было» – но я сама отказала... да, это болезнь гордости – я, может, и прежде его не любила, а только была задеваема им... и гордость болела, болела – а казалось, что сердце. Это ведь так похоже... Я это к чему? К тому, что теперь я замужем – а это одно лишь название... и вы – я ведь влюблена, а не задета, да? – есть у меня, но вы смотрите на меня как на кого-то неважного, как на всех; мне нужен другой взгляд – только для меня одной...

Каталина уткнулась лицом в колени, Амадинг же не двигался – как если бы его тут не было.

Разве что – безвыразительно, как при чтении стихов – произнес:

– Но ты – моя жена...

– А вот зачем?

(30)

Всю ночь Каталина бродила по комнате, даже не задувала свечи – разглядывала сквозь танец их огоньков стены, поверхность которых гладила и гладила (от потребности хоть что-нибудь гладить, хоть с чем-нибудь поделиться теплом); Амадинг уснул – прямо на полу, подетски свернувшись в клубочек – ступая мимо него, Каталина всё тянула руки к нему – ближе и ближе, но – почти в сантиметре – отдергивала, не коснувшись и тотчас, в смятении и досаде, уходила в другой конец комнаты... Иногда она присаживалась на край кровати и гладила одеяло, уже высохшие и оттого коричневатые пятна крови в форме своих следов на его поверхности; зарывалась лицом в перину, без-

звучно плакала в неё – уже без слёз, одними судорогами плеч... потом поднималась и вновь продолжала свою прогулку, ограниченную четырьмя стенами.

Несколько раз бросая взгляд на Амадинга – спящего крепко, бездушно, находящегося глубоко в самом себе и своем сне, закрытого от неё на триста ставень и замков – она всё думала одну и ту же мысль:

« – А зачем тут все-таки кровать? Зачем она тут?..»

При мысли, что все обитатели и гости «свадьбы» – сейчас думают, что они с Амадингом занимаются совсем другим, её брала досада, и она прижималась всем телом к стене и как бы пыталась её приобнять – но стена была необъятно-прямая и Каталине только и оставалось неловко раскидывать по ней руки, впечатываясь в неё грудью и коленями.

Она вспомнила всех тех, кого ей довелось любить – всегда несчастливо, всегда что-то притягивая за уши – или по мелочам, или целиком...

Вспомнила и забыла.

И вновь уткнулась взглядом в спящего недосупруга...

«Если мечты сбываются всегда лишь так – может им лучше и вовсе не сбываться?»

(31)

Утром, когда к ним распахнули двери – то все тотчас кинулись к одеялам, со звериным почти любопытством в глазах, нашли там странной формы пятна крови – тем успокоились, и стали будить спящих на полу – отчего-то по разные углы комнаты – супругов; те были нелюбезны и как-то совсем не похожи на уставших от страсти; они молча, почти понуро – пошли вслед за гостями, несущими вперед одеяло – дошли до балкона, кто-то начал махать одеялом перед стоящими на площади людьми – те ликующе закричали в ответ; Каталина прищурено смотрела на Амадинга, он же – не смотрел никуда вовсе... Стоял откровенно закрыв глаза – как бы и стоя продолжая спать дальше.

« – Думает о ней?.. – гадала Каталина. – Впрочем... не суть, не суть. Главное – не обо мне... Какая мне, наконец, разница о ком – если не обо мне?..»

Но уже ломала от внутренней боли свои бледные руки, втыкала ногти себе в ладони, чтобы это как-то унять, она бы и хотела отвернуться, чтобы только не глядеть на него – и не могла; и ей вспомнилась как ещё тогда, на большой земле – она приехала к тому, рвущему ей на части душу человеку, а его – не смотря на договоренность – не оказалось; как она тогда пошла куда-то по вниз набережной – таким жалким, безвольным шагом, думала о том, что позвони ведь он сейчас – она ведь никуда не уйдет, как бы на него не злилась – а поедет к нему назад, шла и плакала от понимания того, от злости на себя – но знала, что так и будет... и он действительно позвонил – и вышло точно так, как она и предполагала; и какая она тогда была вся ущемленная внутри, натянутая струной – и как это внутреннее её возмущение росло и росло раз от разу, но внешне притом оставалось почти невидным – а только кромсало и кромсало её когтями изнутри... и круг всё смыкался...

« – И вот – сомкнулся» – завершила свою мысль она.

(32)

День выходил сгнившим: Амадинг – пока Каталина погрузилась в свои размышления – успел затеряться где-то в толпе, королева-мать завела с ней какие-то неинтересные и ненужные беседы о том, как ей теперь подобает себя вести при дворе, и под конец своих речей – которые Каталина особо и не слушала – вдруг, игриво подмигнула ей:

– Надеюсь, мой мальчик ночью справился; а то ведь он девственник...

Тут Каталина округлила глаза, вспоминая события прошлого дня – когда она ещё не была супругой принца-бродяги, то как он тогда на неё кинулся и последующий его побег.

Королева это интерпретировала по-своему:

– О! Вы удивлены... значит – на высоте всё

было. Я рада, рада...

«На совсем платонической высоте...» – с иронией подумала Каталина, а вслух спросила:

– А куда он теперь пошел – вы не знаете? Он – пока мы стояли на балконе – куда-то исчез...

Королева вдруг сразу побледнела, глаза её исказились страхом, она почти истерично позвала к себе стражу и всю свою свиту – начала о чем-то с ними шептаться, нервно и отчаянно жестикулировать – стараясь одновременно с тем улыбаться – натужно и не понятно чего ради – удивленно смотрящей на всё это Каталине; когда же все разбежались по разные стороны – королева вновь обратилась к ней неожиданно ласковым, почти до приторности доведенным голосом:

– Боюсь, мой мальчик очень от всего разволновался – и решил сбежать... Но это ничего, ничего: такое уже бывало, и не раз – его, так или иначе, уже ищут... Я уверена, что...

Тут к ней подбежал какой-то старичок, испуганно прошептал что-то ей на ухо и она завершила свою мысль – но видно было, что не так, как изначально планировала это сделать:

– ... он похоже уже за пределами города. Да, да – он у меня странный... Прекрасный и немного не в себе – как и все принцы. Но я уверена, его найдут... Или он сам вернется... возможно. Даже – наверняка. Будем верить, верить в это.

Виноватым за сына тоном она закончила:

– Если вдруг у тебя возникнут потребности... ну то есть – понятного рода потребности – то у нас ведь тут есть кое-кто... специально для решения таких проблем. Короли ... они ведь всегда уходят – на войну, на охоту, на тот свет; а мы же – женщины... нам нужно что-то незыблемое.

В зал вывели шута, того самого, которого Каталина последний раз видела в доме Айдан – он подмигнул ей и присел в реверансе.

– Ах, он... ну эту-то шлюху я знаю, – горько усмехнулась она и спросила у королевы:

– А через сколько, все же, ваш сын может вернуться?

– Может быть скоро... через несколько лет;

а может быть – никогда, – со вздохом ответила королева; видимо, надеясь хоть как-то расположить к себе Каталину своей честностью – ведь могла же она внушить ей призрачные надежды, соврать, наконец, – но нет, сказала как есть.

Но Каталина, похоже, не оценила высокого жеста королевы – полуироничным, металлическим тоном она лишь задала один единственный вопрос:

– Значит – если без прикрас – я уж соломенная вдова?..

И не услышав на него ответа – впрочем, как того и ожидала – кивнула самой себе, будто подтверждая – да, выходит есть повороты судьбы и хуже всех предыдущих.

Это ведь давняя истина – есть пик счастья, когда говоришь, что «лучше уже быть не может», но нет пик несчастья – всегда, абсолютно всегда может быть многим хуже случившегося...

(33)

Неудивительно, что первый порывом Каталины было – сбежать; сбежать от всего этого – ибо что ей тут делать? Всё было ради Амадинга... и вот, его нет – а остальное, оставшееся как бы огрызком от яблока – лишь внешнее, чужое, ненужное ей ни капли. Столь же и неудивительно было, что как только она метнулась к дверям – стража по жесту королевы-матери тотчас загородила Каталине дорогу, а сама королева – высоким, переменявшимся тоном – ей, задрав подбородок, провозгласила:

– Я решаю передать королевство вам в руки... Я слишком устала – мне хочется на покой, хочется погрузиться в свою любовь, в мирские радости – пока я ещё не совсем стара, пока я могу это всё. Так что теперь за всё в ответе тут вы, дорогая.

Она быстро сняла с себя корону и одела её на голову Каталине; потом осмотрела её всю с ног до головы придирчивым взором и крикнула слугам:

– Сопроводите её наверх и приведите в надлежащий для новой королевы вид, а то с этими распущенными прядями она вы-

ходит скорее девчонкой, чем правительницей... и платье найдите ей помассивней – у королевы должна быть медленная, величественная поступь. Да и брови дорисуйте уходящими наверх, да повыше – чтобы она выглядела построже... и лицо бледнее – это однозначно. Слишком, покуда, легкий, детский вид – поданные не поймут ведь. Под каблуком у королевы должно быть всё государство – а тут одна нерешительность и нетвердость; остатки королевства обратятся в пыль...

Каталину ухватили под руки двое мужчин и понесли вверх по лестнице – не обращая внимания на её крики протеста и попытки вырваться, ей только и оставалось что беспомощно болтать ногами.

Её передавали с рук на руки толпе сумасшедших женщин, она слишком в большом шоке была чтобы отбиваться и только изумленно, безвольно смотрела на всё (да и разве отобьешься от таких?) – они зачесали ей волосы в высокую причёску, до боли стянув их у корней; совсем выбелили ей лицо, черным нарисовали поднятые дуги бровей, ярко-красным совсем чуть-чуть отметили губы; затянули её до скрежета костей в платье с пышной-пышной юбкой – так что грудь вывалилась сосками наружу, и они – нимало не смутившись – припудрили тотчас и их, да одели ей на шею украшение, которое своим концом провалилось аккурат между грудей; от его тяжести – у неё сразу же заболела шея и ей захотелось расплакаться от всех этих экзекуций и их псевдовеличия.

И в таком вот виде – довольные собой – женщины привели её к королеве, которая заломила руки и заблестела тотчас глазами:

– То самое, то самое!

Шут подскочил к Каталине и чмокнул её подобострастно, но не без наглости, в сосок – Каталина зло оттолкнула его и он упал, но быстро приподнялся и оказался уже перед нею на коленях... подобострастно – как всегда.

За его спиной было зеркало и Каталина узрела там городскую сумасшедшую с потекшею крупными каплями на глаза краской с бровей, с перепутанным птичьим ульем на голове, с криво намазанными – так неров-

но и ярко, будто кровью – губами и грудью совсем наружу – и тотчас больше возжелала убежать от этого самого отражения, чем ото всех остальных вместе взятых. На миг она замерла, сделав вид будто любит и довольна, но как только все расслабились и королева хотела было опять посвятить её в дальнейшие королевские обязанности – она так быстро, как не бегала ещё никогда, побежала к дверям на улице, выскочила и рванула к лабиринту из деревьев рядом с дворцом, слуги и королева, ахнув, кинулись за ней, она же – ни о чем уже не думая неслась вперед, в спасительность лабиринта, благо ноги пока были босы – или никто не вспомнил об обуви, или это тоже было частью образа королевы – чему бы она, пожалуй, уже и не удивилась; Каталина заворачивала и заворачивала, стараясь запутать свои следы – по голосам сзади она слышала, что они заблудились и отдаляются, и все бежала и бежала вперед – больше глядя назад, боясь что вот-вот из-за веток покажется чей-нибудь силуэт... На ходу она распускала свои волосы, терла лицо, приподняла юбку, чтобы не споткнуться на ней и всё опасливо оглядывалась и оглядывалась, почти предвидя с ужасом чье-либо появление... и вдруг споткнулась и влетела с разбега с шумным всплеском в фонтан. От тяжести платья она осела тотчас на дно – так что только пышная, воздушная юбка всплыла кувшиной на поверхность; вода была холодной, волосы липли к лицу, краски с которого окрасили серовато воду, из под корсета пятнами показалась кровь – она начала отдиравать его, но безуспешно – только обломала себе об него все ногти, еле успела выставить на поверхность губы и вдохнуть воздух...

И вдруг поймала губами вишенку, испуганно выпустила её и открыла глаза; сердце в ужасе застучало – «поймали, поймали, поймали!»

Перед ней стоял некто весь в белом, с длинными рукавами и черными полосками под глазами – похожий чем-то трагичного Пьеро; он смотрел на неё мягко и смиренно, а потом спросил, опуская отринутую её ртом вишенку – в свой:

– Очень зря отказались... Они нынче пья-

нят, пьянят совершенно. Даже мир кажется прекрасным... Увядшее кажется зеленым, старость – молодостью, гниль – свежестью, отвращение – страстью...

– А отсутствие секса – оргазмом?..

– Да, равно как и его наличие, но совсем не с тем.

– А зачем оно такое?

– А как же жить, если у тебя есть только такое?

– А если не жить вовсе?..

– О, это одни слова! Некоторые господа тем и утешаются – тоже, заметьте, наркотик своего рода – что рассуждают и рассуждают о ненужности бытия, а после – разъезжаются каждый по своим углам и вполне себе утешаются этой «ненужностью»...

– Да... так оно и есть. А кто вы тут? Садовник?..

– Вам не кажется, что моя одежда слишком бела для садовника?..

– Верно. Так кто же?

– Фаворит королевы – если официально.

– А неофициально?..

– Несчастный наркоман; ибо без килограмма вишен – голую королеву лицезреть выше моих возможностей... Оттого я вечно то под кайфом, то в ломке...

– Выходит, в вашей жизни присутствуют лишь два цвета – черный и белый?

– Нет, они так быстро сменяют друг друга, что уже смешались и обратились в один сплошной серый.

(34)

Каталина вдруг вздрогнула, заслышав приближающийся топот и крики совсем близко от них, и быстро-быстро зашептала:

– За мной гонятся... Слышите?

– Кто же за вами? Черти? Отвергнутый любовник?

– Нет, ваша неотвергнутая любовница – королева-мать. Как мне быть?..

В глазах фаворита заблестел интерес, и он подмигнул ей:

– Интересно крайне-с... но о том – после

уж. А сейчас обернитесь вокруг пару раз вашей юбкой – а то она вся наружу, вдохните поглубже, досчитайте до трех и ныряйте.

Едва Каталина скрылась под водой, как он подбежал к стоящему рядом вишневному дереву и наклонил его так, что почти все ветки с ягодами окунулись в воду и скрыли собой виднеющиеся под водой очертания Каталины.

Почти в тот же миг запыхавшаяся королевская свита с королевой во главе возникла у фонтана, королева удивленно подняла брови, но фаворит опередил её вопрос:

– Решил помыть свои вишни в вашем фонтане; вы ведь не против, моя дорогая?

– Вы оригинальны, право, – расплылась в жеманно-наигранной улыбке королева-мать – такой, которой женщины хотят обычно кому-нибудь понравится, но чаще только разочаровывают – коснулась рукой его подбородка и уже совсем другим, игриво-пошлым тоном продолжила:

– Вы после этих вишен очень... очень – ну вы сами знаете о чем я. Что ж... жду вас у себя в апартаментах. И поспешите...

И хотела было сделать слугам знак идти назад, как вдруг замерла и скорее лишь для собственного спокойствия, чем для чего-то большего спросила:

– А вы не видели тут девушки? Негодяйка убежала...

– Что за девушка? – наивно заморгал глазами Пьеро (как уже мысленно окрестила его для себя Каталина).

« – И здесь моё место? – думала она в эти мгновения под водой, когда воздух иссякал в её легких, а уши постепенно наполнялись от этого звоном и грудь всё тяжелела и тяжелела, – Пьеро, Арлекины, королевы, их любовники и сыновья... Да – там, где я жила прежде серо, тухло, безвоздушно; но тут... тут – всё так ярко, что больно глазам! «

Королева промолчала в ответ на вопрос своего любовника – что-то ревнивое разыграло в ней: а вдруг заинтересуется этой девицей? Хотя свою корону ей было и не жалко отдать Каталине, но отдать вслед за тем и своего любовника – был уже перебор...

Королева кивнула своей свите в сторону замка и они всей толпой – но уже не спеша побрели назад, среди всех царила усталость и расстройство.

« – И куда она могла податься? – нервно думала королева. – И все-то они от меня убегают... Не успели сыграть свадьбу – как уже и не сына, и не невестки. И что же теперь?..»

Она досадливо всплеснула руками и, чтобы себя как-то успокоить, отвлечь от этих раздражающих мыслей, начала думать о том, что скоро в её покои придет убожать любовник и что надо успеть приодеться и надушится к его приходу.

Наконец-таки вынырнув, Каталина никак не могла надышаться – ибо легкие болели и давились воздухом. Пьеро вытащил её из бассейна и хотел было поставить на землю, но заметив, что она вся мокрая, жалкая и дрожит от холода, интуитивно прижимаясь к нему, оставил её у себя на руках; она поняла это и улыбнулась ему, сознавая, что увидит одну эту улыбку в ней, ибо вся она перемазана в потекшей косметике, облеплена изодранной одеждой и полуголая – не по-эротичному, а скорее подобно оголенности ошипанной курицы.

Он покачал её на руках, заметив:

– Теперь весь мой ослепительно-белый наряд промок и испачкан... Так что вы мне не только за спасение должны – а кругом и полностью.

– Пусть так, – устало кивнула на это Каталина, отлепляя от своего лица мокрые пряди. – Но чем мне вам возвращать? У меня ничего нет...

– Совсем-совсем?

– Разве что – это королевство хотели мне всучить...

– И вас не впечатлило такое?

– Что вы! Это же огромная ноша...

– О, понимаю; держу ваши хрупкие плечи в руках – и понимаю, понимаю...

Каталина рассмеялась:

– Вы думаете – я шучу с вами? Отчего, вы думаете, королева со свитой неслись за мной?

– Чтобы насильно вам всучить королевство?

– Ну да, – кивнула Каталина, но Пьеро на это рассмеялся, и она насупилась:

– Не верите? Думаете – лгу?

Пьеро продолжал смеяться – да так заразительно, что этот смех перешел и к ней, хоть она сама и не вполне понимала над чем смеется.

– Вы не против, если я отнесу вас к себе – а там и поговорим? – подмигнул ей Пьеро.

– К королеве? – ужаснулась Каталина и, хотела было начать вырываться, как Пьеро с улыбкой ей возразил:

– Нет, что вы – я живу не там, я ведь не королевских кровей... Мой дом совсем недалеко отсюда – по другую сторону лабиринта, он как бы его замыкает.

– Значит, я бы при любом раскладе – попала к вам?

– Значит, что так.

СТОЛ

1 номер 2012 года

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

Главный редактор **Виктор Ясминов**

Помощник главного редактора **Олег Добров**

Шеф-редактор **Руслан Мартынов**

Автор текста – **Анна Елисеева**

Арт-директор – **Павел Кулик**

Фотодиректор – **Виктория Эндре**

Цветоделение **Александра Петрова**

Препресс **Андрей Сулейко**

Верстка **Андрей Андреев**

Корректор **Нина Ластина**

Менеджер по печати **Виктория Пауло**

Офис-менеджер **Марина Алиева**

Генеральный директор **Алиса Щуйская**

Директор по маркетингу **Лия Асейко**

Директор по рекламе **Анна Вергинская**

Оптово-розничное распространение **ЗАО «МДП «МААРТ»**

Редакция: 104090, Москва, Нижний сусальный переулок, д.5, стр. 23, телефон +7 (495)897 65 67

Электронный адрес: syol@gmail.ru Сайт: www.stol.ru

Подписка: телефон: +7 (495) 678 09 65

Обложка: **Елисеева Анна, 2012**

Автор номера: **Елисеева Анна, роман «Остров бесконечности»**

В оформлении журнала использованы работы **Елисеевой Анны**

Учредитель и издатель: ООО Мелиа-Группа «Дождь», 236759, Москва, Нижний сусальный переулок, д.9, стр. 7

Тираж 50 000 экз. Отпечатано в типографии GRASPO CZ, a.s. Pod Sternberkem 3457856, Zlin

Цена свободная

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 67-56789 от 22 ноября 2011 года.

Запрещается полное или частичное воспроизведение текстов, фотографий или рисунков без письменного разрешения редакции.

За соответствие рекламных материалов требованиям законодательства о рекламе несет ответственность рекламодатель.

